

Константин Зарубин

РОМАН

ЭТО ДАЖЕ
НЕ УМРЁШЬ

Константин Зарубин

Это даже не умрёшь. Роман

«Издательские решения»

Зарубин К.

Это даже не умрёшь. Роман / К. Зарубин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904865-3

Фантастический роман об эпидемии бессмертия в Российской Федерации. Зина Смирнова регулярно совершает самоубийства, но всякий раз какая-то сила воскрешает её. Побочные эффекты бессмертия превращают чудо в фарс. Секрет семьи Смирновых переходит из рук в руки и оборачивается трагикомедией национального, а затем и мирового масштаба. Время действия — девяностые и нулевые. Герои — врачи, учёные, олигархи, бандиты, сотрудники ФСБ и просто случайные люди.

ISBN 978-5-44-904865-3

© Зарубин К.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая. Заражение	7
Часть вторая. Инкубационный период	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Это даже не умрёшь Роман

Константин Зарубин

Иллюстратор Наталья Ямщикова

© Константин Зарубин, 2018

© Наталья Ямщикова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-4865-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

По просьбе издателя, несколько слов о том, почему я взялся за эту книгу.

Причины две. Здесь я расскажу об одной из них.

Нет: я не имел никакого отношения к проекту «Лазарь». Не работал в Каролинском институте. Никогда не служил в спецслужбах. Не был телохранителем Егора Веденеева. Не состоял в ДДДГГ – Движении добровольных друзей Георгия Грибового. Всё это делали другие люди. О том, что происходило десять лет назад, они рассказали в собственных книгах.

Да: о каждом из участников событий, с кем я (был) знаком, уже неоднократно писали.

Но писали на полях. Писали, словно о тех актёрах, которые появляются на экране только один раз где-то в первой серии, чтобы сказать «К вам посетитель, мистер Кларк», а затем уступить место другим, большим людям с большими делами.

Без некоторых больших людей не обошлось и здесь. Но в целом, я хотел написать не о тех, кто пытался дирижировать известными событиями, а о тех, на кого эти события обрушились. О тех, кого они так или иначе придавили.

Значительная часть текста не претендует на стопроцентную достоверность. Я старался, в меру способностей, писать роман, а не историческую хронику. Мне хотелось, чтобы эта книжка стояла под табличкой «Современная проза» (заранее прошу прощения у настоящих писателей за такое соседство) и попадала в руки людей, которые не заглядывают в отдел исторической литературы.

Вторая причина в послесловии. Если невмоготу, смотрите сразу. Но я прошу – нет, умоляю вас сначала прочитать книгу.

Во всех огрехах и несуразностях текста вините меня. За все достоинства, если таковые найдутся, благодарите тех, кто мне помогал:

Татьяну, Анатолия и Ивана Смирновых,

Екатерину Бардышеву,

Олега Новикова,

Викторию Вронскую

и, разумеется, мою жену Лену.

Прости меня, Ленка.

Часть первая. Заражение

Вступление

В апреле 2000-го в моего друга по имени Олег влюбилась одна на вид никак не замечательная девушка по имени Зина.

Дальше, на посторонний взгляд, произошло вот что. Влюбившись в Олега, Зина стала активно надеяться на его взаимность. Она сама сделала первый шаг, то есть взяла и написала Олегу трогательное послание. В послании Зина говорила о том, что Олег ей очень нравится, хотя она понимает, что она ему совершенно безразлична, но всё же не будет ли он любезен дать ей знать в самом ближайшем будущем, есть ли у неё хоть самый незначительный шанс завоевать его симпатию.

– Воительница симпатий, мммааа, – подумал и позднее сказал мне Олег. Он мог бы проявить понимание и окутать Зину взаимностью, если бы Зина была не Зина, а совсем другая девушка. Но она не была другой девушкой. Поэтому Олег не проявил никакого понимания. Он взгрустнул и стал Зину последовательно избегать.

Не могу сказать наверняка, как Зина истолковала такое поведение Олега. Скорее всего, она решила, что он скрывает свои истинные чувства в силу какой-нибудь природной застенчивости и надо помочь ему сделать ответный шаг. Она стала звонить Олегу в разные времена суток, приглашать его на свои многочисленные дни рождения, Первое мая, День города и День независимости. Олег искренне мучился, жаловался мне на свою горькую долю и отзывался о Зине нелестно. Отзывался, конечно, за глаза. В общении с ней он вынужден был соблюдать вежливость и щадящую линию поведения. От приглашений Зины он отбивался ссылками на важные дела. Так у Зины сложилось представление о неимоверной деловитости Олега. И она стала любить его ещё сильнее.

Полгода Зина не оставляла попыток взять симпатию Олега с ходу. Однако с той стороны, откуда она вела наступление, симпатия Олега была неприступна. Во всяком случае, для Зины. Выслушивая приглашение за приглашением, Олег постепенно терял флегматичность и не раз порывался доверительно объяснить Зине, что лучший способ завоевать его симпатию – оставить его в вечном покое и найти другой объект любви.

До поры до времени Олега сдерживало человеколюбие. Потом его стали сдерживать мои рассуждения о незавидности положения Зины и ранимой девичьей натуре. Потом – совсем недолго – его сдерживала привычка. В конце концов Олег выработал иммунитет ко всем сдерживающим факторам и решился.

20-го декабря, возвращаясь с работы домой, он, как обычно, случайно встретил Зину неподалёку от метро. Зина окатила его лишённой рассудка улыбкой и начала щебетать о том, как приятно вот так вот случайно встретиться. Потом Зина принялась приглашать Олега на празднование католического рождества, Нового года, православного рождества, Старого нового года и Нового года по лунному календарю. Олег вскипел и, бурля, попросил Зину –

попросил громко и отчётливо – оставить его в покое, навсегда. В этом случае, пообещал Олег, он будет ей очень благодарен и его симпатия будет беспредельна. Высказавшись, а также пожелав Зине счастливых новых годов, Олег осторожно обогнул её и побежал домой, пока не началось что-нибудь нехорошее.

Убедительная просьба Олега повергла Зину в отчаяние. Ей долго не хотелось расставаться с последними лохмотьями надежды, но делать было нечего: она любила его безоглядно и высоко ценила его мнение. Всякий смысл из жизни улетучился, внутри поселилось грызущее сожаление, работа превратилась в фабрику пыток, все стали казаться врагами, аппетит исчез. Оставшееся до Нового года время она напряжённо думала, как бы получше оставить Олега в покое. Перебрав немало вариантов, Зина в конце концов остановилась на самом верном способе. В ночь с 31-го декабря на 1-ое января, в квартире подруги, где происходила весёлая новогодняя вечеринка, Зина повесилась, официально прожив на разноцветном свете двадцать два с половиной года.

Новый год

Первооткрывателем висящей Зины совершенно случайно стал молодой человек по имени Антон. Первого января, в восемь часов вечера, он неуверенно проснулся, отодвинул ближе к стене девушку по имени Юлия, слез с дивана, надел штаны, прокашлялся, начал спускаться по узким деревянным ступенькам и, увидев Зину, немедленно рухнул на пол.

Пол был отдалён от потолка почти на 4 метра; в промежутке находился сколоченный из досок и подпираемый балками второй этаж. Он простирался над половиной комнаты и был ограждён перилами. К этим перилам Зина старательно привязала толстый узловатый шнур от утюга, нацепила на себя петлю и прыгнула со ступенек. Петля была затянута очень неумело, поэтому Зина умирала в течение восемнадцати минут – крича, хрипя, размахивая руками и вращаясь вокруг своей оси. На восемнадцатой минуте всё вдруг встало на место: шейные позвонки хрустнули, конечности Зины постепенно перестали дёргаться, и комната снова наполнилась музыкой и веселящимися голосами из-за стены. На протяжении новогодней ночи двери комнаты периодически открывались и внутрь заходили люди – всегда в чётном количестве. Свет при этом не включался, и Зина оставалась незамеченной, несмотря на ошутимый запах мочи. Постепенно карнавал затих. Часть гостей разошлась искать дальнейших развлечений, часть пребывала в состоянии сильного алкогольного опьянения, часть легла спать, и поэтому в течение всего маленького тусклого дня Зину продолжали не замечать.

Поднявшись с пола, Антон бросился к тому месту, где, по его представлениям, мог находиться выключатель. Ещё минуты две Антон спотыкался, ударялся о стены и предметы и убеждал себя в том, что черневший на фоне окна силуэт – это невинная новогодняя шутка. Ну, например, чучело Деда Мороза, повешенное за низкое качество подарков. Когда его рука нащупала выключатель, Антон был почти уверен в этой версии.

Зина висела лицом к входной двери. Лицо, к счастью для Антона, скрывали растрепавшиеся чёрные волосы. Антон взобрался обратно на второй этаж, попытался разбудить девушку Юлию, потом снова спустился, задел Зину рукой, выбежал из комнаты и встал на четвереньки у двери ванной. Его рвало недолго, но громко и мучительно.

На шум прибежала дремавшая на кухне хозяйка квартиры, по имени Катя. Пристально поглядев на лужу рвоты, Катя открыла Антону дверь в ванную, помогла ему встать и поинтересовалась, что он пил и ел накануне. Антон сказал, что ел её собственную стряпню и пил ею же купленное шампанское и высококачественные болгарские вина и русские водки, но что дело не в этом, а намного хуже. Он прополоснул рот, переступил через вонючую лужу и продемонстрировал Кате тело Зины, всё ещё качавшееся под действием его толчка.

Катя вскрикнула, разрыдалась, приказала Антону куда-нибудь позвонить, вытерла слёзы и заставила себя подойти к Зине. Ноги Зины находились сантиметрах в пятнадцати от пола.

Катя была на пятнадцать сантиметров выше Зины, и их лица оказались на одном уровне. Катя убрала волосы с лица Зины, справилась с тошнотой и стала осматривать Зину и её окрестности на предмет предсмертной записки.

Катя училась на шестом курсе медицинской академии.

Безжалостно скомканная записка нашлась на полу в дальнем углу комнаты. Катя решила, что Зина намеревалась отправиться в вечность, сжимая её в руке. Записка занимала обе стороны тетрадного листа и изначально была многословной, но в последнюю минуту Зина, по-видимому, решила быть краткой и тщательно зачирикала большую часть написанного:

«Мама! Прости меня, если сможешь... Это очень глупо, я знаю, но видно так уж мне на роду написано... Катя, извини за испорченную вечеринку. Ребята, простите за испорченный Новый год... Олег, не думай, что ты виноват в моей смерти. Это я сама такая дура... Прощай!» – таков был оставленный текст.

– Дура, – всхлипнула Катя. – Ну и дура. Вот уж действительно дура.

Катя знала Зину год и два месяца. В некотором смысле – очень некотором – она была её лучшей подругой. Зина поверяла Кате свои секреты. Та всегда слушала невнимательно, думая о своём. Страсть к Олегу, однако, упоминалась так часто, что её невозможно было игнорировать.

Олега Катя знала совсем поверхностно, но могла представить его вероятные взгляды на женское обаяние Зины. Кроме того, теперь она полностью разделяла его вероятное мнение об умственных способностях Зины.

– Я позвонил, – тревожно сообщил Антон.

– Куда?

– В скорую.

– А в милицию позвонил?

– В милицию?... – Антон потупил глаза. – Может, это... Может, в милицию не надо?

– Может, вообще никуда не надо звонить? А? Снимем её сейчас, запихнём в мусоропровод. Потом дальше будем праздновать. Как, ничего идея? Тебе нравится? Ещё один придурок! Иди звони, идиот!

– ... Чего ты орёшь на меня?! Я её, что ли, повесил? Я не буду звонить в милицию. Ты тут хозяйка, ты и разбирайся. Я тут вообще ни при чём. Я эту дуру не знаю даже. Меня вообще Юлька притащила. Разгребайте сами своё говнище.

Антон вышел из комнаты и стал искать в прихожей свою одежду. Катя швырнула записку в кресло, бросилась вслед за ним и начала давить на то, что от общения с милицией ему всё равно уже никуда не деться. На их крики из трёх других комнат сбежались ещё шесть человек.

Чтобы прояснить ситуацию для вновь проснувшихся, Катя распахнула дверь в комнату, и оттуда вылетела полуголая девушка Юля, уже вошедшая в курс дела. Юлю и ещё одну девушку пришлось долго успокаивать и поить валерьянкой. Пока Катя занималась этим, передумавший уходить Антон и полноватый, узкоплечий молодой человек по имени Борис перерезали шнур от утюга. Тело Зины с грохотом сложилось на полу. При виде лица Зины Антона ещё раз стошнило, и он пошёл принимать душ. Все остальные собрались в гостиной и стали дружно зевать, мрачно смотреть друг на друга и пить пиво. Девушка Юля после долгого неразборчивого лепета вскочила, оделась и убежала из квартиры, истерично извиняясь.

Через сорок пять минут приехала милиция. Недовольная жизнью бригада скорой помощи появилась через сорок пять минут после милиции.

Тут обнаружили две в разной степени удивительные вещи. Во-первых, никто, включая гостеприимную хозяйку, не помнил, когда Зина появилась в квартире. Более того, Катя даже не могла вспомнить, как и когда она приглашала Зину и приглашала ли вообще. В ответ на соответствующие вопросы все озадаченно переглядывались и качали головами. Милиция поинтересовалась, не был ли ещё кто-нибудь на вечеринке, и Катя хотела по-товарищески извинить

ушедшую часть компании от неновогодних впечатлений, сказав, что никого больше не было, но девушка по имени Лена, страдающая от неординарного похмелья, с готовностью начала перечислять всех по именам и контактными телефонам. У неё была очень хорошая память. Тогда Катина память тоже внезапно просветлела, и она отчётливо вспомнила, как Зина пришла где-то в районе одиннадцати, поздравила её с Новым годом и выпила вместе со всеми два бокала шампанского.

– Два? – переспросила милиция.

– Да. Точно два. Я хорошо помню.

– Больше ничего она не пила?

– Ну... Трудно сказать... Я за ней не следила.

– А пришла она какая?

– Трезвая. Ну, на вид, во всяком случае.

– ...Вы её подруга? – спросила милиция, в очередной раз пробегая глазами оставленную Зиной записку.

– Да, ага, подруга, да.

– Вы уже поставили в известность родителей этой... покойной, то есть? Позвонили?

Катя просмотрела номера в телефоне, долго листала записную книжку, копалась в ящиках письменного стола и в каких-то папках и обнаружила нужный номер в древних лекциях по дефектологии.

– Вообще-то, ну, как бы она мне всегда звонила, – виновато пояснила Катя, набирая номер.

Вторая вещь была более удивительной. Не очень трезво басающий мужчина на другом конце провода представился отцом Зины и перенёс известие о самоубийстве дочери с похвальным самообладанием. После сбивчивого рассказа Кати он помолчал, хмыкнул и сказал:

– Опять, значит.

– Что опять? – не поняла Катя.

– Зина опять повесилась, говорю.

– А... Она уже раньше пыталась?

– Пять раз. Считай, каждый год это делает. Петлю всё равно не научилась завязывать как следует. Руки не из того места растут, я всегда говорил. Как там у неё петля нынче? Я ей недавно сам показывал. Может, запомнила...

– Подождите, – перебила Катя. – Вы, наверно, не совсем поняли, что произошло. Она... совсем повесилась. Она умерла. Я учусь на врача, у меня нет сомнений, к сожалению...

Отец Зины снова помолчал.

– Вы же там просто не в курсе, да? – спросил он после паузы. – Я понял, что она умерла. Она всегда совсем умирает. У неё иначе не бывает. Правда, раньше... Этого, паблисити было меньше. Поэтому вы и не в курсе. Вы её подруга?

– ... Да, – выдохнула Катя.

– Катя, наверно? Она говорила, что к вам пойдёт... Послушайте, Катя, не надо беспокоиться особенно, мы с Ваней сейчас подъедем и заберём её. Мне очень жаль, что так вышло. Зина, конечно, по-свински поступила. В праздник, в чужой квартире, никого не предупредила. Ей будет стыдно, я уверен. Я за неё прошу прощения. Да она и сама перед вами извинится, конечно же. Вы только никого не вызывайте ни в коем случае, никакой милиции, я хочу сказать. Врачей тоже никаких не надо, пожалуйста. Вы просто подождите, мы с Ваней сейчас подъедем, у нас машина. Где вы живёте?

– Я... Понимаете, я уже как бы вызвала милицию. И скорую помощь...

– Уже вызвала?! – трубка затрещала от крика. – Ну зачем, зачем вы это сделали? Какого чёрта?... Никто ещё не приехал?

– Все приехали, – всхлипнула Катя.

– Тыфу ты, бля-а-а, – печально протянул Зинин отец и глубоко вздохнул. – Они уже констатировали эту, смерть?

– Да.

– Протокол составляют?

Катя посмотрела на скучающую в ожидании милицию.

– Не знаю, – жалобно сказала она. – Наверно да.

– Да уж, подарочек... Вот что, позовите-ка кого-нибудь из них к телефону, я сам с ними поговорю.

Катя позвала милицию к телефону, села на пол и замерла. Её глаза приобрели стеклянный блеск. Девушка по имени Катя номер два попыталась с ней заговорить, но потерпела неудачу. Милиция в это время внимательно слушала отца Зины, продолжая скучать. Бригада скорой помощи укладывала труп Зины на носилки. Компания подавленно молчала, вертя в руках банки с пивом и не решаясь их опорожнить.

Через несколько минут Зинин отец сумел в чём-то убедить милицию. Милиция попросила врачей снять тело Зины с носилок и уехать. Вслед за врачами уехала и сама милиция, оставив в гостях у Кати длинного худого сержанта, который сел пить чай на кухне и моментально заснул за столом. Компания постепенно разошлась, приглушённо прощаясь и вздыхая. Когда в половине двенадцатого приехали Зинин отец и брат, их встретили Катя, Катя 2, узкоплечий Борис и синяя Зина, лежавшая на ковре в прихожей.

– Олегу пока лучше не звонить, – сказал Зинин отец после того, как отвёз сержанта.

– Я тоже так думаю, – сказала Катя 2.

– Зачем портить человеку праздник, – сказал Борис.

Они не стали звонить Олегу и вместо этого вынесли Зину из квартиры и положили на заднее сиденье машины. Катя всё время с затаённым ужасом смотрела на отца Зины. Ей хотелось что-нибудь спросить у него, чтобы убедиться в его психическом нездоровье. На вид он был совершенно нормальным человеком, действовал и говорил осмысленно. Катя начала бояться, что их телефонный разговор был похмельным наваждением.

Сержант уехал. Зину увезли. Катя, Катя 2 и Борис просидели всю ночь на кухне, вспоминая, как все были несправедливы к ней. Катя 2, хорошо знавшая Олега, пыталась его осуждать, но Катя предложила ей взглянуть на ситуацию с его точки зрения. Если бы он несколько раз переспал с Зиной из сочувствия, она бы всё равно рано или поздно повесилась, и он был бы виноват в значительно большей степени. Потом девушки ещё раз всплакнули. Борис сказал несколько слов о вечном и с открытием метро уехал домой, поняв, что побыть наедине с Катей ему так и не удастся.

* * *

Второго января Катя работала в вечернюю смену. Она позвонила родителям Зины из поликлиники и спросила, когда будут похороны и не нужно ли чем-нибудь помочь. После мимолётного молчаливого недоумения мать Зины смущённо кашлянула.

– Ну как же... – пробормотала она. – Вы же должны знать... Толик сказал мне, что вы знаете...

– Что я должна знать, извините?

– Ну... Похорон не будет, разумеется. Эээ... Аа, мм... Вы не волнуйтесь, Катя. Через пару дней Зину можно будет навестить, так что...

– Да что ж вы надо мной издеваетесь!.. – зарыдала Катя. – Что вы за люди такие, в конце концов?! Вы меня за идиотку держите? Что вы собираетесь с Зиной сделать? Почему похорон не будет?! Заспиртуете вы её, что ли?

– Какие вы глупости говорите, Катя, – с тихим укором сказала Зинина мать. – Я, впрочем, отлично вас понимаю... Знаете что, Катерина, раз Толик вам ничего толком не объяснил, приезжайте к нам в гости, и я сама вам всё расскажу. Чтобы вы не волновались. Только никого не зовите с собой, ладно? Нет, правда, приезжайте, когда сможете, я праздничная до десятого, да ещё тут Зина... В общем, целыми днями дома сижу, не выхожу никуда. Приезжайте обязательно.

После работы и бессонной ночи Катя выпила чашку чая с лимоном и поехала в гости к Зине. По пути её подташнивало от диких мыслей. Желудок нервно протестовал. Очень хотелось в туалет.

* * *

Выйдя из туалета, Катя подошла к Зининой маме. Мама стояла у двери Зининой комнаты и виновато улыбалась. Ей было под пятьдесят. Дверь в комнату была закрыта, и от этого Кате сделалось как-то совсем жутко.

– Хотите на Зину посмотреть?

– Она там? Лежит?

– Пока лежит. Скоро начнёт вставать, я думаю.

С этими словами мама Зины открыла дверь и прошла в комнату. Катя переступила порог, увидела стоявший рядом с окном диван, вскрикнула и почувствовала слабость в ногах. Мама Зины участливо посмотрела на неё и пододвинула стул. Катя села.

– Что это?... Кто она такая, я имею в виду? Что это такое? – спросила она.

– Это Зина. Её, конечно, сейчас трудно узнать.

– Почему... Почему она трясётся? – спросила Катя минуту спустя.

– Почему?... Это не ко мне вопрос. Не знаю. Она всегда так. Через два дня начинает подёргиваться, слегка совсем. Потом начинает трястись. Трясётся двое суток.

Мама Зины отошла от Кати и медленно присела на краешек дивана – рядом с трясущимися ногами. Она выглядела совершенно спокойной, словно всё происходящее без труда укладывалось в заведённый порядок вещей.

– Что у неё с лицом? – прошептала Катя.

– Что видите. Бог её знает. Каждый раз так. Неприятно. Но что ж делать. Я её не накрываю ничем, потому что трясётся. Всё слезает. Сейчас ещё одежда целая, а как-то вся была в ключья. Полопалась. Такой вот ужас. А потом, в конце – как будто и не было ничего. Как ни в чём не бывало. Только...

Она не договорила.

– Можно, я подойду? – Катя поднялась со стула.

Мама Зины несколько раз меланхолично кивнула. Она глядела в пол.

Катя была стойкой девушкой с почти законченным медицинским образованием, с воспоминаниями из моргов и анатомических театров и с годичным стажем работы в поликлинике. Отгоняя дурноту и головокружение, она подошла к дивану и склонилась над тем, что называлось Зиной. Даже на близком расстоянии Катя не могла уловить никаких следов трупного запаха. В воздухе над диваном висел только незнакомый горьковатый аромат, слабый и вполне терпимый.

На Зине больше не было безвкусного малинового платья, в котором она повесилась. Её переодели в просторный и сильно застиранный халат. Поверх халата тело было стянуто тремя ремнями: вокруг щиколоток, коленей и пояса. Оставленные на свободе руки и ступни ног хаотично дёргались. Пальцы левой руки то и дело впивались в халат и скребли его, словно стараясь разодрать ткань. Волосы были собраны в узел на макушке, уже порядком растрепавшийся. На месте лица дрожала студенистая масса, бледная и матово-влажная на вид. С большим тру-

дом угадывались контуры рта и носа и два бугорка на месте глаз. Подавляя позывы к рвоте, Катя дотронулась указательным пальцем до расплющенного отростка, который, вероятно, когда-то был ухом Зины.

На ощупь отросток был совершенно сухой и гладкий, словно поверхность воздушного шарика.

В следующее мгновение Катя отдернула руку и вскрикнула. Голова Зины приподнялась, студень задрожал ещё сильнее, два бугорка расползлись, и как будто со дна этого бесформенного лица поднялись два ненормально больших глазных яблока, подёрнутые полупрозрачной слизью. Они были видны две или три секунды, а потом снова скрылись под бугорками. Голова опустилась.

Этого Катя уже не видела. Зинина мама не успела подхватить её, и Катя повалилась на пол, опрокинув табуретку, на которой стояла кастрюля с тёплой водой.

Так стойкая девушка Катя впервые в жизни потеряла сознание.

Сознание не возвращалось к ней около минуты.

Через минуту Зинина мама помогла ей подняться с залитого водой пола и, качая головой, участливо пощупала промокший свитер.

– Снимите-ка его, я выжму и поглажу. И пойдёте на кухню.

Дача

Пока Зинина мама не принесла семейный альбом, Кате было нелегко поверить, что в младшем школьном возрасте Зина считалась одарённым ребёнком. Черноволосая девочка на медленно мутнеющих фотографиях хитро ухмылялась, задумчиво смотрела в стороны и гордо демонстрировала грамоту победителя математической олимпиады. Она не подавала ни малейших признаков изумлённого идиотизма, свойственного той Зине, которая сочла возможным повеситься в новогоднюю ночь в квартире подруги.

Катя узнала, что эта девочка научилась читать в три с половиной года, а в пять собственноручно написала стихотворение про странного снеговика. Странность снеговика заключалась в том, что он хотел весны, чтобы всем маленьким детям и бездомным котам было тепло вприпрыжку бегать по двору, когда растает снег совсем. Таким образом, речь в этом стихотворении шла о высоких идеалах самопожертвования и о беспечной неблагодарности детей и бездомных котов, которые растоптали тающие останки снеговика и пошли под солнышком гулять – ведь к ним пришла весна опять.

В шесть лет одарённая Зина пошла в школу. Пока её вечный сосед по парте Миша Бурлаков выводил в тетрадке «Салдатты ахранят страну!», истекая слюной от усердия и умственного перенапряжения, Зина безошибочно воспроизводила «Пограничники зорко стерегут границы нашей Родины» и успевала пририсовать сбоку мужественный силуэт с овчаркой на поводке. В изостудии девятилетняя Зина покрывала шкатулки иллюстрациями к «Тысяча и одной ночи». В музыкальной школе десятилетняя Зина перескочила через класс. Летом на даче одиннадцатилетняя Зина читала Толстого и решала задачи из книжки под завораживающим названием «Московские математические олимпиады: 1980 – 1988». И то, и другое она делала для удовольствия.

Золотой век Зинино интеллекта кончился внезапно и бесследно. В сентябре восьмого класса, сразу после летних каникул, она утратила интерес к рисованию, забросила фортепьяно, стала туго соображать на уроках и к началу декабря скатилась на тройки и слабые четвёрки по всем предметам, кроме русского языка.

Родители пытались вразумить Зину. Произошло несколько жутковатых скандалов, во время которых Зина молча плакала и, по всем внешним признакам, абсолютно не понимала, чего от неё хотят. В конце концов родители списали всё на триумфальное наступление пере-

ходного возраста. Они решили надеяться, что рано или поздно свет разума вернётся в глаза Зины сам по себе.

Однако дело не ограничилось тройками и заброшенным фортепьяно. Общительная и постоянно окружённая подругами девочка Зина превратилась в занудное наваждение и стойкий раздражитель для сверстников. Мама Зины, заметив это превращение, первоначально думала, что дочь, должно быть, переросла своё окружение, и её взрослые интересы не встречают понимания среди обыкновенных восьмиклассников. Младший брат Ваня, напротив, сразу сказал, что «Зинка теперь вечно порет фигню какую-то ни к селу ни к городу». Он оказался прав. Зина начала говорить невпопад, ляпать откровенные глупости и жалобно смеяться, когда все остальные молчали. После восьмого класса и до окончания школы с ней, по инерции, держались только две подруги. Одна была самой серой и недалёкой девочкой в её классе, другая – самой недалёкой и серой в её дворе.

Три мальчика, влюбившиеся в Зину в седьмом классе, неосознанно убедились в том, что красота – это всё-таки некое удачное сочетание сосуда и огня, пылающего в сосуде, и что отсутствие любого из компонентов радикально меняет дело. Вместе с печатью ума лицо Зины потеряло миловидность. Из её движений исчезло небрежное достоинство. Даже её походка стала рубленой и неуверенной. Мальчики ужаснулись и влюбились в других девочек, причём Дима, которому летом удалось четыре раза поцеловать Зину в губы, зажечь в ней ответное чувство и даже погладить рукой её проявляющуюся грудь, ужаснулся сильнее всех. Он возненавидел Зину и норовил побить всякого, кто вспоминал об их романтических отношениях.

От такого Диминого поведения зажжённое им чувство, разумеется, расцвело в деградировавшей Зине махровым цветом. Как позднее угрюмо заметил её папа, все Зинины таланты и пристрастия прокисли, перебродили, и в результате получилась одна всеобъемлющая страсть – к неразделённой любви. Зина продолжала влюбляться только в красивых мальчиков-экстравертов, так что никакой другой её любовь не могла быть по определению: красивые мальчики-экстраверты находили Зину отвратительной и обращались с ней гнусно. На гнусное обращение Зина отчасти напрашивалась сама. Как и в истории с Олегом, она писала мальчикам записки, караулила их по дороге домой, звонила и приглашала на дни рождения и прочие праздники.

* * *

В десятом классе, на школьной дискотеке по случаю предстоящего Дня Святого Валентина, Зина, сидевшая в углу и безответно влюблённая в Пашу из 11б, дождалась объявления белого танца и пригласила Пашу. Паша уже имел шанс наблюдать Зинины чувства в действии. Он потерял счёт запискам, звонкам и случайным встречам. Но поскольку он был человеком терпимым, добродушным и, к тому же, собирался стать врачом, он превозмог себя, кивнул, осторожно взял Зину за талию и, покачиваясь, стал терпеливо ждать окончания песни.

Песня была бессмертной балладой Брайана Адамса «Please Forgive Me». Как только начался первый припев, Зина прильнула к Паше, схватила его за шею и, не попадая в такт, горячо зашептала в его ухо: «Please forgive me / I can't stop loving you». Паша не был святым великомучеником, он был обыкновенным подростком, и он не выдержал. Со словами «да иди ты» он вырвался из её объятий и сбежал в другой конец зала, грубо расталкивая по пути танцующие пары.

Пока не кончилась музыка, Зина слёзно смотрела ему вслед. Потом она выскочила из зала, забрала куртку из гардероба, вышла из школы и побежала домой. Утром Зина позавтракала, дождалась ухода родителей на работу и достала из тумбочки в их спальне ключи от дачи. Добравшись до дачи, Зина отыскала старый гамак, отрезала от него верёвку, залезла на чердак и первый раз в жизни повесилась.

Единственным человеком, который обратил внимание на отсутствие Зины в школе в тот день, был Паша. По дороге в школу Паша понял, что после вчерашнего Брайана Адамса больше не сможет реагировать на Зину по-джентльменски. Смирившись с этим, он начал обдумывать, какими именно словами и каким тоном пошлёт её подальше. К своему огромному облегчению, впервые за три месяца он провёл все шесть перемен, ни разу не ощутив на себе влюблённого взгляда и не услышав «ой, Паша, привет, как дела».

Дома нехватку Зины первым почувствовал младший брат Ваня. В восемь часов вечера он вернулся с занятий баскетбольной секции и, по своему обыкновению, очень хотел есть. Действуя автоматически, Ваня щёлкнул выключателем в прихожей, сбросил ботинки и куртку, зычно крикнул «Добрый вечер, Зиновий Гердт!» и застыл на пороге кухни. В кухне было темно, прохладно и не пахло едой. Ваня озадаченно прошёлся по квартире, вскипятил чайник, сделал себе три бутерброда с копчёным сыром и сел играть в игровую приставку Dendy.

В начале одиннадцатого с концерта Вячеслава Малежика вернулись родители, находившиеся в состоянии скандала, так как во время концерта отец Зины отлучился в буфет и на протяжении семи песен употреблял там мартини со своим сослуживцем, и после концерта сел за руль не совсем трезвый. Слыша крики и треск разрываемого в сердцах плаката с автографом Вячеслава Малежика, Ваня продолжил играть. Через полчаса, когда крики прекратились окончательно, мама появилась в дверях Ваниной комнаты и устало спросила, почему они с Зиной не оставили родителям ничего поесть. Ваня перестал играть и встал.

– А Зинка куда-то ушла ваще, – сказал он.

– Куда это она могла уйти? – непроизвольно удивилась мама.

– А я чё, Пушкин? – спросил Ваня.

Мама знала телефон самой серой и недалёкой девочки в их дворе. Та знала телефон своего эквивалента в Зинином классе. Эквивалент знал телефоны всех остальных. Хотя эти знания, как и подозревала Зинина мама, оказались избыточными. Никто из остальных уже более года не общался с Зиной в неформальной обстановке. В формальной обстановке с Зиной общалась Маша Королькова, имя которой стояло в паре с Зининым в графике уборки класса. Раз в три недели, после уроков, Зина подметала и мыла пол кабинета биологии, а Маша сидела на учительском столе и красилась для свидания с Виталием, который был старше на двенадцать лет и называл себя менеджером разделочного цеха, хотя по документам проходил как мясник. Маша сообщила, что в последнее время при уборке класса Зина постоянно говорила о Паше из 11б. Номер Пашиного телефона, аккуратно выведенный на жёлтом листке крупными красными цифрами, обнаружился под оргстеклом на Зинином столе. Имя «Павлик Березин» было написано маленькими буквами в уголке листка.

Мама немедленно набрала этот номер. Через полторы минуты Паша, оторванный от просмотра фильма «Парк юрского периода», понял, что посетившее его в школе чувство облегчения было преждевременным. Собравшись с силами, он убедительно рассказал Зининой маме, как накануне минут пятнадцать по-дружески беседовал с Зиной на дискотеке. Он, в частности, сказал Зине, что очень ценит её дружбу, но что как девушка она не совсем в его вкусе, и Зина при этом выглядела вполне нормально, а точнее, как всегда.

Зинина мама накричала на Пашу и бросила трубку.

– Утопилась в пруду, я так думаю, – сказал папа.

– В каком пруду?!? Как ты можешь так говорить? – мама постепенно начинала плакать.

– Не, Зинка воды боится, – успокоил её Ваня. – Она бы не стала топиться.

– Есть, впрочем, и другие возможности, – сказал папа.

Следующие дни, суббота и воскресенье, были потрачены на мамины истерики и общение с милицией. В воскресенье вечером маме стало плохо с сердцем. Она села в кресло в комнате Зины и беспомощным голосом попросила папу принести ей валидол из тумбочки в спальне.

Папа не смог найти ни валидола, ни ключей от дачи, которые всегда очень заметно висели на гвоздике, вбитом во внутреннюю сторону дверцы.

– Эврика, – буркнул папа.

После трёхминутной перебранки на тему «Почему ты раньше об этом не вспомнил» мама и папа сказали Ване выключать Dendy и бежать во двор прогревать машину. На улице была стандартная февральская ночь с мокрым льдом внизу и мокрым снегом сверху. В ожидании родителей Ваня прогревал воспетую в песнях вишнёвую девятку около двадцати минут. Потом ему пришлось заглушить двигатель и вернуться домой, чтобы своим обалдевшим присутствием помочь папе успокоить маму. Мама сидела на полу в прихожей и всхлипывала. К половине первого, после многочисленных «да-ничего-там-с-ней-страшного-сидит-книжку-читает-про-несчастную-любовь», им удалось поднять маму с пола, накинуть на неё пальто, вывести из квартиры и посадить в машину. Папа сел за руль. Ваня с ногами забрался на заднее сиденье и стал думать о подержанном BMW, который дядя Лёхи Смирнягина в январе пригнал из Германии.

Сразу за городом перестали работать дворники, и путь до дачи занял пять часов вместо трёх.

Свет в окнах дачи не горел, но сквозь уплотнившийся под утро снегопад мерцала лампочка над крыльцом. Папа сказал подождать его в машине и, ёжась от попадающих за шиворот снежинок, подошёл к дому. Замок на двери отсутствовал. Переступив порог, папа почувствовал прилив безотчётного страха. Он торопливо нашёл выключатель. Ни в одной, ни в другой комнате Зины не было, но на старом диване справа от входа лежала её куртка. Рядом с курткой валялся замок. Из замка торчали ключи.

– Зина? – попытался крикнуть папа.

Он прислушался и через несколько секунд разобрал звуки приглушённого копошения над своей головой. Он подошёл к лестнице на чердак. Посмотрел в чёрное прямоугольное отверстие в потолке.

– Зина? – повторил папа с облегчением.

Копошение продолжалось. Папа воткнул в розетку свисающий с чердака шнур. После серии всполохов отверстие загорелось синеватым светом. Папа ещё раз позвал Зину и, не дождавшись ответа, залез на чердак.

Он не имел никакого отношения к медицине, никогда не присутствовал на вскрытии, никогда не изучал ничего более впечатляющего, чем влияние простатита на половую функцию. В общем, он, конечно, не потерял сознания, но вытошнило его сразу. Залив рвотой стопку старых номеров «Огонька», папа неохотно выпрямился и снова повернулся в сторону Зины. Зина лежала на полу в самой середине чердака, рядом с опрокинутой скамейкой для развешивания белья. С балки наверху свисал кусок верёвки. Другой кусок находился на Зининой шее. Голова тряслась и была неестественно вывернута. Ещё более неестественно были вывернуты и тряслись руки и ноги. На месте лица и левой груди, которая должна была виднеться из-под разорванной блузки, дрожали бесформенные бледные выпуклости и комки. Скрюченные пальцы рук напоминали оплывшие розовые свечи.

Трупного запаха на чердаке не было.

– О ё-моё, – прошептал папа.

Через какое-то время он спустился за ножом, переборол отвращение и снял верёвку с шеи Зины. Его продолжало тошнить, но желудок уже был совершенно пуст.

Внизу хлопнула дверь.

– Толя, ну что там, ну что там такое? Что с ней? Она здесь?

– Живая, – крикнул папа. – Стой внизу, я щас спущусь.

В тот раз они отвезли Зину в больницу.

По дороге в город папа живописно въехал в канаву. До больницы добрались под конец дня. Зина не прекращала дёргаться, но где-то после полудня на её лицо начали возвращаться черты. Стали разглаживаться и приобретать нормальный облик остальные части тела. Таким образом, пресыщенному взору дежурного врача предстал уже не жуткий слепок в форме человеческого тела, но нечто и в самом деле напоминавшее шестнадцатилетнюю девочку.

– Что случилось? – спросил врач, задирая Зинино веко.

– Она пыталась повеситься, – объяснил папа.

Врач посмотрел на трясущуюся шею Зины.

– Пыталась повеситься? Без верёвки?

– Почему без верёвки? С верёвкой, – смутился папа.

На шее Зины не было видно никаких следов петли.

– Странно, почему она до сих пор без сознания, – в конце концов сказал врач. – На кому не похоже. В шесть утра её нашли? На полу лежала? Судороги уже должны были пройти... Их вообще не должно было быть. Головой ударялась она? Пульс нормальный. Абсолютно нормальный пульс. Зрачки реагируют. Шея чистая. Никакой борозды. Лицо одутловатое, всё верно. А кровоизлияний как будто не было. И никакой синюхи. Не было. Очевидно. Совершенно очевидно. Хм. Любопытно.

Несколько мгновений врач выглядел так, как будто ему на самом деле было любопытно. Потом на его лицо вернулось выражение сдержанного отсутствия.

– Анализы сделаем. Завтра Винницкий её посмотрит. Сегодня он уже ушёл. Любопытно.

Винницкий добрался до Зины только через три дня и не нашёл её случай любопытным, потому что через три дня Зина была в полном сознании и абсолютно здорова, хотя и не помнила ничего начиная с прошлого вторника.

– Да не вешалась она, – сказал Винницкий. – Инсценировка. Нет, что-то с ней серьёзно не в порядке, конечно. Но это не ко мне. Это к психиатрам.

Лесопарк

Зину увезли домой. В следующий понедельник, через десять дней после самоубийства, она пошла в школу и рассказала одноклассникам, что пережила приступ неизвестной науке болезни. Из-за приступа она несколько дней пролежала на даче – без сознания.

– А на даче-то ты чего делала? – спросила Маша Королькова.

– Я поехала туда в состоянии иступления, – повторила Зина мамины слова.

– А убить в состоянии иступления ты тоже можешь? – оживился Руслан Старостин.

Зина расплакалась, и на этом расспросы прекратились. Те, кто до того сидел с Зиной за одной партой, прекратили там сидеть. Учителя какое-то время разговаривали с Зиной медленно и вдумчиво. Паша Березин ещё месяца полтора изредка ловил на себе застывший и немного озадаченный взгляд, но больше не получал записок и даже не слышал «ой, привет, как дела».

Зина перестала любить его.

Несколько месяцев она вообще никого не любила. Вместо этого она готовилась к поступлению на филологический факультет Российского Государственного Педагогического Университета им. Герцена. Каждый вечер вплоть до середины июля Зина не менее трёх часов склонялась над классической литературой, историей России, «Современным русским языком» и вневременным «Английским для поступающих в вузы».

Мама с тихой надеждой подкладывала Зине всё новые книги и посылала её к репетиторам, которые брали большие деньги за то, чтобы два раза в неделю полтора часа сидеть напротив Зины и многозначительно молчать, пока она пересказывала прочитанное.

Если не брать во внимание отдельные выдающиеся исключения, существуют два пути в филологию: прочитать кое-что и всё понять или прочитать всё и кое-что запомнить. Очевидно, что Зина не могла пойти по пути номер один. В то же время, второй путь был ей вполне по силам, и она, несомненно, поступила бы в том же году, если бы 19-го июля не повесилась на сосне в лесопарке под Токсово – неподалёку от вольера с зубробизонами.

Зубробизоны, лишённые приличного хабитата и попавшие под переходный период в российской истории, вызывали сострадание даже в сердцах средних размеров, а большое Зинино сердце просто разорвалось от жалости. Зина, её родители и её дядя с женой и пятилетним сыном приехали в лесопарк, чтобы там незаконно приготовить и съесть шашлык. Покормив зубробизонов зелёными яблоками, они пошли искать подходящее место для костра. Вокруг было много других людей с незаконными намерениями. Поиски заняли около получаса, и за это время Зина отбилась от остальных.

В какой-то момент она пропустила поворот тропинки и углубилась в лес. Слёзы застилали её глаза. Рюкзак, наполненный учебными и справочными пособиями, подпрыгивал от её резкого шага и бился о спину. До первого экзамена оставалось три дня. Сердечная боль о зубробизонах многократно усилила абитуриентский невроз, протекавший у Зины в тяжёлой форме и путавший без того путанные мысли. В мире было слишком много стресса, слишком много жестокости и слишком много равнодушных родных, близких и бывших одноклассников. Личная жизнь не удалась. По пути попала неожиданная сосна, стоявшая на возвышении и, в отличие от большинства лесных сосен, имевшая мощные ветви уже на высоте полутора-двух метров от земли. Выхода не было.

Зина сняла рюкзак, достала из косметички маникюрные ножницы и выдрала из рюкзака верёвку, которой он стягивался наверху. Потом она вынула из джинсов свой плетёный голубой ремешок, забралась на сосну, затянула ремешок на толстой ветке чуть слева от своей головы, привязала к нему верёвку, сделала петлю, продела в неё голову и прыгнула.

Верёвка с ремешком держались одиннадцать секунд, а затем развязались. Падая, бешено махавшая руками Зина опрокинулась на ветвь, с которой прыгнула, зацепилась ногами за другую ветку, ударилась головой о ствол, потом о землю, свернула себе шею и всё-таки умерла.

Дядя и родители разыскивали Зину более трёх часов. Когда они наконец наткнулись на неё, мама сразу же бросилась искать телефон, а отец и дядя понесли тело к месту, куда приходят автобусы. Девятка стояла там.

Вид мёртвой девушки с окровавленной головой произвёл фурор среди детей и взрослых, оказавшихся поблизости.

– Напали-таки? – спросила участливая пожилая женщина.

– Это они её рогами? – спросил её десятилетний внук.

– Взбесились? – спросил усатый мужчина с залысинами, выгружавший из автобуса около двадцати детей среднего школьного возраста, на которых лежала печать заштатного пионерского лагеря.

– Смори, смори! Вон несут! Ой господи! Какой ужас! Ваше прикол! А Ваучер, дурак, не поехал! – сказали дети, выходя из автобуса.

– Все стоим на месте, от автобуса никуда не отходим, быки вырвались из ограждения! – заорала девушка в очках, выбравшаяся из автобуса вслед за ними.

Отец и дядя тяжело дышали и ничего не говорили. Жена дяди какое-то время металась между ними и девяткой, потом затолкала сына в машину и застыла на месте, не отнимая руки ото рта. Кто-то расстелил на земле выцветшее зелёное покрывало. Зину положили на него. Усатый мужчина попытался найти у неё пульс, не нашёл его и выверенным движением закрыл Зинины веки.

– Боюсь, скорая уже ни к чему, – сообщил он, поворачиваясь к зрителям.

Зинин отец неожиданно согласился.

– Понесли её в машину, – сказал он. – Лена, выгоняй Тимошу оттуда.

Через несколько минут прибежала мать Зины.

– Я... Я позвонила, – выдохнула она, полусогнувшись. – Щас приедут. Скорая.

– Не надо нам никого, – не задумываясь, сказал Зинин отец. – Сами домой довезём.

Жена посмотрела на него осоловевшими глазами и открыла рот.

– Пока она не запахнет, никуда я её не повезу, – почти шёпотом пояснил он, наклонившись к ней.

Несколько секунд они сверлили друг друга выразительными взглядами. Потом отец Зины повернулся к брату.

– Шурик, мы щас Зину повезём в город... Вы как-нибудь уж сами доберётесь, да?

Дядя Зины закивал.

* * *

Родители привезли Зину домой и положили на кровать в её комнате. Ване сказали, что сестра в глубокой коме. Ваня присвистнул. Поздно ночью, после многих попыток уснуть, родители Зины дружно вылезли из постели, проследовали на кухню и стали пить чай.

– Ты... соображаешь, что ты делаешь? – наконец спросила шёпотом мама Зины. – Что мы скажем Шурику и Ленке?... Что мы вообще... Что мы, вообще рехнулись, что ли?

– Я Шурику позвонил, как только пришёл. Пока ты в ванной рыдала. И мылась. Сказал, что всё нормально.

– То есть как это нормально?

– Ну, что Зина пришла в себя. Что просто без сознания была. Ушиблась...

– Да ты же видел, как у неё шея повернута! Она мёртвая! Она холодная, Толик!.. – чуть не перешла с шёпота на крик мать Зины.

– Она и в прошлый раз была мёртвая.

– ...Чего ты мелешь?

– Я не мелю. Я ей пульс щупал. Тогда, на чердаке. Потом, когда в машину её принесли, тоже. Не было у неё никакого пульса.

– Ты ей пульс щупал? Ты же даже не знаешь, где этот пульс находится. На какой части тела.

– Всё я знаю, что надо. Ещё с «Зарницы» в школе помню... Не было у неё пульса, говорю тебе. Появился только на полпути, после этой канавы.

– ...Просто ты щупал плохо. Она же дёргалась! Что она – без пульса дёргалась?

Отец Зины почёркнуто отодвинул чай в сторону и сделал безумные глаза.

– В том-то и дело! – истошно зашептал он. – В том-то и дело! Я думаю... Это были... Судороги какие-то... Она была мёртвая. Помнишь, как она выглядела? Студень какой-то застывший вместо тела... А потом всё пришло в норму, у нас на глазах.

– ...И как ты всё это объясняешь?

– Да никак! Откуда я знаю! – отец Зины раздражённо дёрнул головой. – Зомби! Иисус из Назарета! Птица Феникс! Короче, я уже сказал. Пока она не запахнет, никому ни слова. Заболела, и всё. Всё, пошли спать...

* * *

На следующий день он вернулся с работы на два часа раньше. Сам не зная зачем, он открыл входную дверь очень тихо и крадущимся мелким шагом пошёл к Зининой комнате. Он крался, пока не уткнулся ногой в Ванины кроссовки, брошенные посреди прихожей. Наважде-

ние мгновенно исчезло. Квартира наполнилась звуками. Ваня играл в Dendy и напевал себе под нос песню «Опиум» группы «Агата Кристи».

– Как там Зина? – осторожно спросил отец.

– Всё так же, – сказал Ваня. – Коматозная. Чё вы её в больницу не отвозите?

Отец Зины помедлил с ответом, но не придумал ничего оригинальней, чем «так надо».

– Собирайся, кстати, – добавил он. – К бабушке сегодня поедешь. А завтра обратно на дачу. А то торчишь тут... В городе.

Отец вошёл в комнату Зины, приблизился к её кровати, наклонился и приняхался. Зина не пахла ничем особенным, кроме леса и косметики. Несмотря на то, что именно этого он и ожидал, у него похолодело внутри. Потом он присмотрелся к лицу Зины, и у него похолодело ещё больше.

Лицо изменилось. Оно не опухло – точнее, оно опухло только в некоторых местах. Другие места, наоборот, как будто усохли и натянулись. Веки были совершенно плоскими. Отец посмотрел на руки Зины. Кожа на них мягко сморщилась и напоминала застывшие волны.

Внезапно он понял: руки дрожали. Очень мелко, почти незаметно, но вне всякого сомнения.

– О ё-моё, – сказал отец Зины.

Он просидел в комнате Зины весь вечер и половину ночи – пока желание спать не перебило потрясение и любопытство. На его глазах дрожь усиливалась. Начали трястись ступни. Потом ноги. Потом всё тело. Подбородок начал колотиться о грудь. Черты лица расплывались и всё больше теряли форму.

Мать Зины заглянула в комнату только один раз. Присмотревшись, она вскрикнула и захлопнула дверь. После этого она весь вечер варила суп, жарила говядину, пекла пирожки, перемывала посуду и громко слушала радио.

Около шести утра родители проснулись от грохота в Зининой комнате. Мать Зины начала безостановочно кричать и хотела выбежать из квартиры в одной ночной рубашке. Отец едва удержал её. В комнате Зины он увидел, что почти бесформенное тело свалилось с кровати и ходило ходуном на полу посреди комнаты. Ключья лопнувших джинсов и футболки трепыхались вместе с ним. Лёгкий горьковатый запах, стоявший в комнате, мгновенно вернул отца в февральское утро на даче.

– В следующий раз привяжем её к кровати, – обречённо сказал он жене. – Что ж это за бредятина-то?

Они больше не входили в комнату Зины, пока – через полтора дня – звуки в ней не затихли окончательно. К этому моменту Зина выглядела приблизительно так же, как тогда в больнице, сразу после прибытия.

* * *

Ещё через два дня Зина полностью пришла в себя. Как и в прошлый раз, она выглядела совершенно здоровой. Как и в прошлый раз, ничего не помнила. После долгих колебаний и ночных перешёптываний родители на неделю отправили её в больницу. В больнице Зину всесторонне обследовали, ничего не нашли и снова посоветовали показать психиатрам.

– Ну что я могу сказать? – сказал психиатр, когда родители выпроводили Зину из кабинета и вопросительно уселись напротив него. – Мы тут посмотрели, провели кое-какие анаааализы... Ни о какой патологии речи нет. Но определённые невротические проявления присутствуют, конечно. Общая инертность психических процессов, нарушения внимаааания присутствуют... Судя по ситуации, могу сказать, что наиболее вероятная причина – долгое перенапряжение эмоциональное, продолжительный стрееееес... Ничего страшного, девочке просто нужно отдохнуть, расслабиться, изменить обстаноооовочку... – растянутые окончания

фраз повисали в воздухе. – То есть если обстоятельства психотравмирующие не будут повторяться, то всё, можно сказать, придёт в норму очень быстро... На будущий год смело можно будет поступаать... Конечно, режим подготовки к экзаменам надо более продуманный... Кроме того, я тут выпишу один неплохой препарат, он поможет снять последствия стресса...

Отец Зины смотрел на психиатра пустыми немигающими глазами.

– Она вешалась два раза, – сказал он.

– ... Что, простите?

– Она вешалась. Два раза. В феврале первый раз. Второй раз две недели назад. Мы вам ещё не говорили об этом?

– Нееет, – психиатр заёрзал в кресле. – Суицидальные попытки, значит, были? Демонстративные?

– Нет, – отец Зины моргнул. – Очень уединённые.

– Вот как... – психиатр потыкал ручкой в недописанный рецепт и погрузнел. – Ну, с этого, наверно, надо было начинаать. Давайте поподробней про оба случая.

– Да, да, щас, – отец Зины вышел из оцепенения и нетерпеливо закивал. – Только сначала... У меня есть такой вопрос, не совсем по делу... Скажите, вот бывают такие случаи, когда человек мёртвый, эээ, когда в состоянии клинической смерти человек находится сутки, а потом приходит в себя?

– Сутки? – смущённо поперхнулся психиатр. – Нееет. Не думаю, что бывают такие случаи.

– А зомби? Зомби на самом деле – существуют? На Гаити или где-нибудь ещё? В смысле, есть там задокументированные свидетельства, научная база? Что-нибудь в этом духе?

– Толик!.. – охнула мать Зины, мгновенно покраснев. – Какие зомби? О чём ты говоришь?

– ... Я, конечно, не могу ручаться... – осторожно начал психиатр, невольно пытаясь спрятаться за своим столом. – Я определённо не специалист по этому, скажем, вопросу...

Не глядя на него, отец Зины соскочил со стула и повернулся к двери.

– Мы в другой раз подойдём. Ещё. Сейчас нам идти надо.

– Толик! – мать Зины вскочила за ним. – Ты куда?

– До свидания. Пойдём, Таня. Извините за беспокойство. Спасибо.

Отец Зины вышел из кабинета. Зина сидела у окна, на скамейке, обтянутой дырявым коричневым коленкором, и печально смотрела в пространство. Рядом с ней, недовольно поджав губы, сидел лысый худой мужчина в синем спортивном костюме.

– Зин, пойдём, – сказал отец. – Всё в порядке.

Азовское море

Той же ночью, шёпотом на кухне, было решено как следует познакомиться и подружиться с двоюродной тётей Зининого отца, проживавшей в посёлке Ильич на берегу Азовского моря. Другой посёлок Ильич, с величественной природой, находится в Алтайском крае, но у Зининой семьи там не было родственников. Кроме того, алтайский посёлок регулярно затопляет и засыпает оползнями. Часть населения живёт в бараках, зимой трещат морозы, туристов нет, денег нет, в местной речке однажды нашли расчленённые трупы двух девушек. Даже если бы у петербургской Зины никогда прежде не было суицидальных настроений, там бы они возникли.

На следующий день отец зашёл на почту и отправил две телеграммы: «тоня сестрица жива ещё вопр пятнадцать лет не виделись приезжай в гости внуков привози люся из ильича» – на свой адрес, и «спасибо за приглашение прилетаем воскресенье с зиночкой и подарками встречайте тоня» – в посёлок Ильич на Азовском море. Получив первую телеграмму, он отправился к своей матери.

– Мам, как здоровье? – спросил он, переступив через порог её квартиры на улице Уточкина. – Молодцом? Вот, тётя Люся тут тебе телеграмму прислала. На наш адрес. Твой потеряла, должно быть. В гости тебя зовёт. С внуками. Вот два билета на самолёт. Ванька не хочет ехать. Зина с тобой поедет. Она болела сильно. В этом году поступать не будет. Врач сказал, надо её на море. Так что можешь её там на зиму оставить. Подарки для тёти Люси я прямо в аэропорт привезу. Вылет в воскресенье.

Вылетели в воскресенье. Когда самолёт оторвался от земли и взял курс на юг, Зина обратила бледное лицо к бабушке и спросила:

– Бабуля, а мы разобьёмся, упадём и умрём, да?

– А? – бабушка оторвалась от иллюминатора. – Ты что такое говоришь, Зин? Никуда мы не упадём... А хотя бы и упали. Смотри, как красиво всё, – бабушка мечтательно ткнула пальцем в иллюминатор. – Всё лучше так помирать, чем в Боткинской больнице на койке.

Внизу зеленела под ярким солнцем Ленинградская область.

Тётя Люся, 63-х лет, загорелая и коренастая, встретила их в аэропорту в Анапе. Она выглядела так, словно приехала с фотосессии для обложки журнала «Крестьянка» за август 1981 года. Её лицо и ситцевое платье вселяли уверенность в завтрашнем дне.

– Ой-ой-ой-ой-ошеньки, – при этом сказала она. – Ужась-то какая! Тонечка, Тонечка, как мы с тобой постарели! Как времечко-то бежит! Када ты прошлый раз приезжала, Брежнев ещё ж был!

– Уж был так был, – подтвердила Зинина бабушка.

Сын тёти Люси дядя Коля погрузил вещи в багажник запорожца и повёз всех в посёлок Ильич. У него была смуглая лысина, много железных зубов и жена, которая ушла несколько лет назад.

– С тех пор в одну харю детей воспитываю, – похвастался дядя Коля, держа два пальца правой руки на руле.

– И ни хера не в одну, ну шо ты прибедняешься-тааа, – возмутилась тётя Люся. – Живёт у негхо Ниночка, святая баба, очень мне нравится. Ведёт хозяйство. Летом в пионерлагхере работает поварихой. Колька у ней как сыр в масле.

– Ээээ, – осклабился дядя Коля.

Посёлок Ильич тонул в деревьях и обдувался ветрами двух морей. Дом тёти Люси стоял в 170 метрах от Азовского. Млеющие от жары куры время от времени спускались по боковой тропинке на безупречно белый песчаный пляж. Незрелый виноград переполнял виноградники. Всё было солнечно-зелёного цвета.

– Ну шо, Зиначка, хорошо у нас? – спросила тётя Люся.

Зина стояла рядом с калиткой, держа сумку на уровне груди, слегка разинув рот и не двигаясь.

– Волшебнo! У вас тут просто волшебнo, тётя Люся! – воскликнула она. – Вы, наверное, такая счастливая!

– А то как же, – помрачнела тётя Люся.

– У нас тут ещё и Швейцария есть своя, – сказал дядя Коля. – Не хуже ихней. Таманская. Пять километров всего. Свoжу вас с тёткой Тоней непременно. Горы там красивушие. Озеро есть. И за границу надо вам съездить обязательно. Тут по Чушке рядом совсем. Сел на паром – и Крым.

– Здорово! – Зина бросила сумку на землю и захлопала в ладоши.

Тётя Люся охнула и отчаянно схватилась за щёки. Пыль вокруг сумки быстро потемнела от жидкости из разбившихся бутылок.

– Нууу ё, – понуро сказал дядя Коля. – Поплыли мои сувениры...

– Ничего, Коль, – успокоила его Зинина бабушка. – У меня в рюкзаке ещё есть.

Она не в первый раз пристально посмотрела на Зину и пошла в дом.

* * *

Поначалу тётке Люсе пришлось потесниться: была середина августа, и пристройку для гостей продолжала занимать отдыхающая дама с ребёнком. Она платила тётке Люсе 35 тысяч рублей в день и загорала топлесс, вызывая глухое осуждение со стороны дяди Колиной подруги. Сам дядя Коля вяло махал рукой и утверждал, что худосочные титьки подмосковной дамы не вызывают у него ничего, кроме жалости. Ребёнок отдыхающей был Машенькой, бойкой девочкой восьми лет, цвет кожи которой уже переходил за отметку «шоколадный». Машенька и Зина нашли друг у друга много общих интересов и подружились мгновенно. Они проводили вместе почти всё время, позволяя худосочной маме загорать более беззаботно и равномерно.

Дядя Коля жил неподалёку. Пил плотно, но при этом регулярно трезвел, находил халтуры и держал свои обещания. Через неделю он посадил Зину и Машеньку в запорожец и поехал показывать им местную Швейцарию. Бабушка Зины осталась в постели с приступом мигрени.

Таманская Швейцария сильно отличалась от оригинала, но, в основном, размерами. Маленькое озеро у подножия холмов казалось бездонным и сказочным. Холмы – высокими и древними.

– Во! – сказал дядя Коля, жмурясь на небо и похлопывая Зину по плечу. – Рай земной! Ну, вы тут купайтесь-загорайте, я схожу пока по делам. У меня здесь дружок.

Он беспечно отхаркался и пошёл вниз – в сторону моря.

– Возвращайтесь! – сказала Зина. – Мы будем вас ждать!

Три часа спустя, когда дядя Коля, томный от жары и алкоголя, вернулся к озеру, его ждал отрезвляющий шок.

Зина стояла на коленях, наклонившись вперёд. Из-под неё неподвижно торчали мокрые пост-шоколадные ноги Машеньки. Подскочив ближе, дядя Коля разглядел, что Зина изо всех сил давит руками на грудь девочки и пытается делать ей искусственное дыхание – рот в рот. Синхронизация между выдохами Зины и её толчками в Машенькину грудь отсутствовала.

– Оооой ты ё! – крикнул дядя Коля. Алкогольный туман вокруг его головы мгновенно поредел.

Зина оторвалась от лица Машеньки и посмотрела на него. Дядя Коля невольно отшатнулся. Подбородок, губы и кончик носа Зины были измазаны кровью. Дядя Коля перевёл взгляд на Машеньку. Она не открывала глаз, но слабо постанывала и как будто пыталась кашлять. Вся нижняя часть её лица была в крови.

– Она захлебнулась!!! – завизжала Зина, показывая окровавленные зубы.

– Кровью? – риторически спросил дядя Коля и грубо спихнул Зину с тела Машеньки.

Он прижал ухо к груди девочки, выругался, осторожно сгрёб её в охапку и потащил к воде.

– ... Она не дышит!!! Я делала всё, что могла! Она захлебнулась! – продолжала визжать Зина.

– Да заглохни ты, придурочная! – рявкнул дядя Коля, не оборачиваясь. – Всё она дышит. И сердце бьётся как надо... Орать меньше надо, бяка...

Он ополоснул лицо Машеньки и уложил её на землю. Она приоткрыла глаза и рот и опять попыталась кашлять, но вместо кашля из её глотки вырвался надрывный звук приближающейся рвоты. Дядя Коля расторопно повернул её на бок и приподнял. Машеньку вытошнило. Дядя Коля снова подтащил её к воде и заставил выполоскать рот. После этого она начала дышать быстро и сипло и наконец закашляла по-настоящему. Минуты две дядя Коля поддерживал её на боку и сокрушённо лепетал «держишь, Машуха, ничего, ничего, ничего».

Откашлявшись, Машенька сказала, что ей холодно. Дядя Коля укутал её в оба полотенца. Потом стянул с себя рубашку и, понюхав, задумчиво надел обратно.

– ... А ты шо? Шо было? Как? Как было-то? – он оторвал взгляд от Машеньки и пришиб им Зину.

Зина не смогла ответить. У неё случился приступ рыданий. Затем он сменился приступом икоты.

Машенька тоже едва могла говорить – от слабости и от боли в израненных губах и языке. В конце концов она собралась с силами и сбивчиво, но связно зашептала о том, что произошло. После того, как дядя Коля исчез в направлении моря, она сразу захотела искупаться. Зина сказала, сначала надо хорошенько прогреться на солнышке. Машенька, прогревшись в запорожке до полубоморока, так не думала, но признала авторитет Зины и послушалась. В Подмоскovie её воспитанием занималась прабабушка – ветеран ликбеза и вдова штрафбатовца, после войны в одиночку взрастившая троих детей на зарплату шпалокладчицы.

Зина и Машенька обошли вокруг озера, побегали по кромке воды и несколько раз спели нарочито писклявыми голосами популярную песню В. Преснякова-младшего «Подружка Маша, пожалуйста, не плачь». Затем, по инерции, «Стюардессу по имени Жанна». После «Стюардессы» Машенька снова потянулась купаться, но Зина строго посмотрела на неё и напонила, что для эффективного прогрева полагается загорать. Машенька опять послушалась и легла на траву. Был первый час дня. Солнце стояло в причерноморском зените. Машенька накрыла голову жёлтой футболкой, мгновенно сомлела на солнцепёке и задремала. Какое-то время спустя она пришла в себя под водой. Её ноги не касались дна. Кто-то держал её за плечи. Вода была упругой и солнечной. Машенька сделала автоматический вдох, захлебнулась, начала истерично барахтаться и выскользнула из державших её рук.

В следующий раз она пришла в себя от боли в укушенном языке.

– Йиййа... Я... Я бегала вниз ннна море! – обрела дар истерической речи Зина. – Окунулась! Возвращаюсь – а она лежит! Я толкнула её, в бок... Потому что она уже достаточно прогрелась. Можно было идти купаться! Я толкнула её в бок, мол, пора. А она не двигается! Я сразу поняла: она без сознания, у неё солнечный удар! Надо было что-то предпринять... Я решила охладить её в воде!..

– Вниз головой? – уточнил дядя Коля.

– Да!..

– А на хрена ж ты поволокла её на глубину?

– Чтобы она быстрее остыла!.. Но... Она вдруг вырвалась и пошла ко дну!..

– Дура, – вдруг сказала Машенька, громко и отчётливо. – Ты дура.

Дядя Коля многословно поддержал её.

* * *

Узнав об инциденте в Таманской Швейцарии, подмосковная дама справедливо орала на всех в течение трёх часов. Через двое суток она досрочно увезла Машеньку домой. Ещё девять дней спустя уехала в Петербург Зина бабушка.

Зина осталась в посёлке Ильич – вопреки жёсткой оппозиции со стороны дяди Коли и благодаря рвению, с которым она выполняла любые распоряжения тётки Люси. Зина мыла полы, трясла ковры, варила борщи, чистила бычков и тюлек, собирала виноград, поливала грядки с огурцами, загоняла кур на ночь, убирала курятник, а также пасла корову и обеих коз. Через три недели она даже научилась их доить. Вдобавок, Зина обнаружила ещё более серьёзную добродетель: за завтраком, обедом и ужином, когда тётка Люся перемывала кости жителям посёлка или перевозносила советское прошлое, Зина слушала и без конца выражала шок, удивление и восторг – невпопад, но с большой отдачей.

– Золото, а не девка! – объявила тётка Люся под конец августа, вручая продавщице местного магазина свиток сторублёвок, перевязанный резинкой. – Тут двадцать пять тыщ как раз

должно быть, Юль. Всё делает! Всё! Ну, гхородская, понятное дело, не сразу схватывает. Три недели не могла в подойник попасть, када коз-то доила. И када рыбу чистила, всё сперва плакала гхорючими слезами. Рыбу, говорит, жалко. Но как попривыкла – так просто клад, а не девка. Ещё и умная-то ведь какая. Настоящий собеседник. КультивирОванный. Ленин-гхрадская выучка, гхворю тебе.

– Я тильки однОгхо доси нэ розумию, – продавщица развернула свиток и стала мусолить банкноты. – Шо ж ййии таку красуню из Ленингхраду попёрли?

Тётя Люся посерьёзнула, взвешивая все за и против разглашения того, что Зинина бабушка изложила ей в качестве причины.

– Так ведь ленингхрадская выучка, каже ты бушь, – сказала она. – Жалостливая она слишком. Она там в гхороде вся на нервах была и переживала всё. У интеллигхентных часто бывает такое. Психика слабая. А тут в институт надо поступать. СтрессовАя ситуация, понимаешь? Родители её к доктору повели, а он-то и гховорит: надо её на гходик ближе к земле. Шоб не нервничала так. А то, может, если приживётся, и больше чем на гходик. У нас-то здесь хорошо. Не то шо у них в гхороде там. Спокойно у нас.

– Та вже, нема куды спокойней... – продавщица, относительно молодая уроженка Львова, скептически фыркнула и начала доставать с полки пахучие буханки чёрного хлеба. – Трымай товар, тётя Люся.

* * *

По всем внешним признакам, близость к земле и физический труд и в самом деле влияли на Зину благотворно. Хроническая экзальтация заметно сгладилась. Вскоре Зина сумела распотрошить целую курицу, не пролив ни единой слезы. «Зиночка здорова весёлая помогает очень пусть остаётся год буду только рада», отрапортовала тётя Люся пятнадцатого сентября.

– Ну вот и славно, – процедил папа, протягивая телеграмму маме. – Сходи завтра в сберкассу, переведи тётке Люсе ещё тыщ сто пятьдесят.

Мама нервно закачала головой.

– Я как сердцем чую, Толик, я как сердцем чую, добром всё это не кончится. Надо её возвращать. Надо. Я пошлю телеграмму, пусть едет домой. Подумай только: а если что-нибудь... случится? Они же не знают... Они же не знают, что...

– Не надо её домой, – понизив голос, в очередной раз сказал папа. – Не надо никаких телеграмм, слышишь меня? Если они её похоронят, ничего страшного. Всем будет проще.

Мама в очередной раз расплакалась. Папа утешительно похлопал её по плечу и привычно направился к серванту. Нижняя – непрозрачная – часть серванта закрывалась на ключ и с недавних пор начала заполняться специфической литературой. Папа достал ключ из заднего кармана висевших на стуле брюк, сел на корточки, открыл дверцу и окинул взглядом ряд свежих корешков. На тот момент их было уже пятнадцать. Прочитать папа успел пока только два: знаменитую брошюру доктора Муди «Жизнь после жизни» и публицистическое произведение советского автора «За последней чертой: суицид и общество». Вторая книжка была толще, но обошлась в десять раз дешевле первой – она лежала в запасниках «Военной книги» с восемьдесят девятого года. Несмотря на свежесть лениздатовского корешка, она успела многообразно устареть, но папу увлекли стиль изложения и бесконечные ссылки на общественные реалии, уже четыре года приобретающие в его памяти радужный ностальгический флёр.

Папа почесал переносицу. На очереди стояла «Теория и практика вуду», купленная в благоухающем магазине «Тайны востока». Папа зацепил корешок указательным пальцем, взял книгу в руки и поморщился. На лицевой стороне обложки, под чёрными буквами названия и чёрной фамилией американского автора, красовалась неуверенная акварельная вариация на тему фильма «Ночь живых мертвецов». На задней стороне обложки находилась карта таин-

ственной восточной страны Гаити. Внутри обложки на протяжении трёхсот страниц описывались мифы вуду о мире и мифы Голливуда о вуду. Вперемешку.

Папа Зины, человек стихийно здравомыслящий, всю жизнь занимался ремонтом импортной бытовой техники – сначала стран Варшавского договора, позднее в сервисном центре Sony. Он с интересом читал техническую документацию к магнитофонам и телевизорам, временами даже по-английски, и без особого интереса читал Пикюля и халтурно переведённые американские детективы, которыми его снабжала жена. В целом, папа всегда уважал печатное слово и духовные искания человечества. Литературе из магазина «Тайны востока» было суждено нанести первый серьёзный удар по его доверию и к печатному слову, и к духовным исканиям.

Дойдя до терминов «хунган» и «мамбо», папа отложил «Теорию и практику вуду» в сторону и включил телевизор. На следующий день он пропустил сто пятьдесят страниц и сразу взялся за технологию изготовления зомби. Чтобы сделать из человека зомби, узнал папа, необходимо стать злым колдуном и украсть у жертвы часть души при помощи заклинаний и магического порошка.

Примечание в конце главы научным тоном предполагало, что секрет зомби кроется в веществе под названием тетродотоксин, которое было найдено в некоторых пробах магического порошка наряду с толчёными жабами и человеческими костями. Небольшая доза тетродотоксина приводила к полному параличу всего тела; человек при этом оставался в сознании – вплоть до момента смерти, которая наступала вслед за параличом. Смерть наступала однократно и насовсем. Папа перечитал всю главу ещё раз. Прямых параллелей со случаем Зины не было.

Ещё через день, предварительно выпив бутылку «Балтики 4», папа приступил к «Освобождению слушанием в промежуточном состоянии», более известному как «Тибетская Книга Мёртвых».

Без десяти одиннадцать мама выключила телевизор на кухне, проверила наличие Вани в его комнате и пришла раскладывать диван.

– Спать собираешься? – спросила она.

Папа оторвался от чтения и посмотрел на неё. Его рот был открыт довольно широко.

– Ага... – он протяжно шмыгнул носом. – Щас, дочитаю пару страниц. Тут хреновина такая... Слушай, Тань, твоя мама ведь в церковь ходит?

– Ну, ходит. А что?

Папа помялся в кресле.

– Она, это самое... Верит в бога там, чудеса, загробную жизнь?

– Да вроде бы. Крестит меня каждый раз, когда ухожу. «Да хранит вас с Толиком Господь». И это... – мама забралась под одеяло и зевнула. – Когда Ельцина по телевизору со свечкой показывают... Она ругается всё, притворщик-негодяй, как он храм смеет осквернять. Бабушка Тамара была очень религиозная. Маму так с самого начала воспитывала. Над ней даже в школе смеялись, кто-то из одноклассников видел, как они...

– И во что конкретно она верит? – перебил папа. – Что ей там в церкви говорят? Что после загробной... После смерти что происходит?

– Известно что... Ой, а будильник я поста... Поставила. После смерти, Толик, или в ад к чертям, или в рай к ангелам. Нас с тобой в ад, конечно, как всех бывших советских... Я так вообще пятёрку получила в институте по научному атеизму. Списала, правда, всё подчистую с методички под партой. Может, это мне зачтётся. У тебя-то был научный атеизм в твоём техникуме?

– Не, не было... – папа кинул взгляд в раскрытую «Книгу мёртвых» на своих коленях и рассеянно пошевелил нижней губой. – А после ада и рая что?

– В смысле?... Ничего после ада и рая нет. Если попал, то навечно.

– Ты уверена? Как-то это... Не разработано... Тут вот такое понаписано... – он встряхнул книгой.

– Так может и в православных книжках понаписано. Мало ли где что понаписано... Мама, вон, тоже в тонкостях не разбирается. В прошлую Троицу, на могилу бабушки Тамары когда ездили... Помнишь? Я у неё спросила: мам, а что это вообще за Троица? Бог-то вроде один, все говорят, а тут тебе и Отец, и Сын, и Святой Дух... Они что, все разом миром правят? Она говорит, да вроде бы нет, вначале был Отец главный, потом Сын стал главный... Я говорю, а Отец куда, на пенсию что ли вышел? А она – тьфу ты, да что ж ты такое говоришь, Танька, вот Господь тебя услышит, какая пенсия. Отец умер, говорит. Я ей – мам, он же бог, как это умер. Она всё думала, думала. Сказала, надо у Клавдии Михалны спросить, она должна знать... А ты чего там читаешь-то?

Папа показал ей обложку.

– Тут про преселение душ... – сказал он. – Когда умираешь, то сначала видишь свет. В книжке этого доктора, как его, Муди, там тоже про свет есть... А потом две недели на тебя... снисходят духи. Плохие и хорошие. Только на самом деле это всё одни и те же духи. И они вообще не существуют на самом деле. Они только иллюзия. Твоя главная задача – это чтоб ты понял, что всё только иллюзия. Если за две недели не поймёшь, то увидишь утробы вокруг, и тебя затянет туда. В утробу. Потом из этой утробы ты рождаешься опять. В одном из шести миров...

– И будешь баобабом тыщу лет пока помрёшь, – процитировала мама. – Ты ещё мифы Древней Греции потом не забудь перечитать.

Она повернулась на бок, подставила руку под голову и направила на папу серьёзный взгляд.

– Думаешь, там где-нибудь написано, что с Зиной такое случилось?

Папа смущённо уставился в пол.

– Все эти книжки ты зря накупал, – неожиданно ровно сказала мама. – Я так думаю, ничегошеньки там про это написано... Я думаю, это мутация. Что-то такое. Как после Чернобыля вот были же мутации, в газетах часто пишут. Только у Зины это, конечно, вряд ли от Чернобыля... И ещё кажется мне... Это связано как-то с тем, что... – мама запнулась, подыскивая слова.

– Что в восьмом классе? – вскинул голову папа.

– Вот именно. Может быть, с этим тоже связано, – она снова зевнула. – Ну всё, хорош, давай спать. У нас комиссия завтра, мне к полдевятого надо.

– Хорошо, – согласился папа.

Он поставил «Тибетскую Книгу Мёртвых» обратно в сервант и пошёл чистить зубы.

* * *

В посёлке Ильич, тем временем, заканчивался бархатный сезон и наступала осень. Уехали отдыхающие, пожелтели листья, зачастили дожди и меланхолично посерело море. К декабрю температура принялась падать до +4 градусов Цельсия, а пару раз скатилась до самого нуля и чуть ниже. Иными словами, установился добротный петербургский октябрь.

Зина продолжала беспрекословно трудиться на тётю Люсю, слушать её монологи и жить с ней в мире и согласии. Когда дядя Коля впадал в особенно беспокойный запой и его на $\frac{3}{4}$ русская душа увеличивалась до невыносимых размеров, к тёте Люсе и Зине присоединялась его сожительница Ниночка с двумя детьми младшего школьного возраста. Тогда жить было ещё веселей. Ниночка, тридцатилетняя уроженка Норильска с оттопыренными ушами, делала котлеты и пекла пирожки с курагой; тётя Люся при этом качала подбородком и заочно распекала дядю Колю, прихлёбывая чай. Ниночка согласно вздыхала, но не забывала указывать на поло-

жительные черты его характера. Дети играли на чердаке или делали уроки. Зина помогала им. Она отчётливо помнила значительную часть программы начальной школы. Вечером все смотрели телевизор «Радуга», корпус которого разъезжался от количества и величины транзисторов; местами он даже был скреплен изолентой.

Дядя Коля в это время курсировал от приятеля к приятелю по всем семи улицам посёлка. Иногда его буйная голова показывалась в тётيليусином дворе и кричала ругательства.

Раздавался оглушительный стук в дверь. Но дяде Коле не открывали.

31 декабря дядя Коля, напротив, оказался трезв и одет в праздничный пиджак. Он пришёл вместе с Ниночкой и детьми. Присутствовали и трое гостей из Темрюка: тётя Аля с мужем и девятилетней внучкой. На новогоднем столе стояли мандарины и необходимые блюда из майонеза. Телевизор «Радуга» бережно взгромоздили на комод, чтобы всем было видно.

До полуночи веселье протекало в идиллическом семейном русле. Не затихал смех, велись разговоры, елся майонез, детей время от времени доставали из-под пластмассовой ёлки и ставили на табуретку для декламации стихов и текстов популярных песен. Дядя Коля предложил четыре тоста за уходящий год, но, стараниями и окриками тёти Люси, договорил до конца и выпил только один раз. Зато в полночь грянули куранты, бессловесный гимн и «Старые песни о главном». Были открыты сразу несколько бутылок. Тосты пошли одни за другим. Детей оставили в покое с лимонадом, пряниками и конфетами, а Зине, приравненной к взрослым, налили шампанского в круглый стакан с красной каёмкой.

Шампанского было не так много, и потому к двум часам, когда оформилась идея уложить детей спать, Зина осталась самой трезвой участницей застолья. Тётя Аля даже не могла больше подпевать телевизору, а Ниночка перестала говорить слова и только смотрела перед собой, без конца хихикая. Дети дяди Коли играли в карты в соседней комнате. Приезжая внучка Вика свернулась в клубок под ёлкой и спала.

– Викуля, спать! – отчаявшись петь, скомандовала тётя Аля из-за стола. – Поздно!

– Зиначок, – тётя Люся нашла глазами Зину. – Зиначка, ты это... Уложи детишек, милая. Внезапно дядя Коля грохнул кулаком по столу.

– Ни хуя! – взревел он. – Никакой Зиначки, блядь! Не подпущу её к моим детям!

– Гхляди-ка ты, вспомнил, что у него дети есть, – автоматически заметила тётя Люся. – Зиначок, ты это... Не слушай пьяного дурака. Укладывай детишек.

– Никаких детишек! – повторно заревел дядя Коля, по мере сил привстав. – Не подпущу! Эту не подпущу! Одну уже чуть не утопила, манда ленинградская! Своих не дам!

– Ты шо ж это несёшь-тааа, дурень ты окаанный!..

Голос тёти Люси взвился под потолок, но тело не могло оторваться от стула. Тётя Люся бессильно замахала руками. Муж тёти Али примирительно всхрипнул и захлопал дядю Колю по правой лопатке. Ниночка прекратила хихикать. Съёжившаяся Зина смотрела на дядю Колю, не моргая.

– ... К детям не пущу! Пааашлаааа! Пусть уёбывает отсюда! Манда ленинградская! Откуда приехала, блядь! Пааашлаааа!..

– Папа! папа! папа! – дети прибежали из соседней комнаты.

Услышав голоса детей, Зина вышла из оцепенения. Она выскочила из-за стола. Все, кроме дяди Коли, попытались броситься за ней, но ни у кого, кроме детей, не получилось сделать это достаточно быстро. Дети, в свою очередь, не смогли удержать Зину. Вырвавшись в сени, она машинально сунула ноги в резиновые сапоги, набросила на плечи первую попавшуюся куртку, обеими руками толкнула дверь на улицу и бросилась бежать в сторону моря.

Ночь была тёмная и ветреная. Невидимые волны шумно окатывали берег. Зина долго бежала вдоль полосы прибоя, скрестив руки на груди, и повернула в море, только когда очередная волна вдруг достала ей до колен. Идти пришлось очень долго, отмель никак не хотела заканчиваться, но зато кожаная куртка с подкладкой, схваченная Зиной в сених, успела осно-

вательно пропитаться водой и, когда дно под ногами наконец исчезло, помогла ей утонуть максимально быстро.

Стройка

Первого января, на закате, посёлок Ильич пришёл в себя и двинулся прочёсывать окрестности в поисках Зины. Поиски продолжились второго января, но снова не принесли успеха. Под конец третьего января тётя Люся ещё раз отхлестала веником дядю Колю и понуро побрела к соседям, в доме которых находился ближайший телефон.

– Алло, – сказал папа Зины, взяв трубку.

– Толя! Толя! – запричитала тётя Люся сквозь треск и шипение междугородной связи. – Это тётка Люся, с Ильича. Фу ты, дозвонилась, слава богху... Гхоре мне дуре старой! Гхоре мне дуре старой, ой-ой-ой-ой-ошеньки...

Папа непроизвольно опустил руку вместе с трубкой. Потом опомнился и поднял её обратно.

– Чего стряслось-то, тёть Люсь?

– ... Зиночка пропала! Убежала из дому и пропала! Ой-ой-ой-ой-ошеньки...

– Давно убежала?

– Позавчера ещё! Мы всё искали, искали! Всем посёлком искали! Нету её нигде!..

– Она взяла с собой что-нибудь? Когда убегала?

– ... А? Нет, ничего, ничего не взяла! Куртку только Мишкину схватила – это из Темрюка, Алькин муж, ты его не знаешь. Ой-ой-ой-ой...

– Тогда вернётся, – сказал папа. – Вероятно.

Он взял несколько дней за свой счёт и через сутки сумел вылететь в Новороссийск. Покупку новой стиральной машины пришлось передвинуть в будущее.

Потерянный дядя Коля и грязный запорожец ждали папу у выхода из аэропорта. Папа виновато хлопнул рукой по чемодану и признался, что не привёз никаких гостинцев. Дядя Коля махнул рукой. Рассеянно потёр лысину.

– Зина нашлась, – сказал он. – Часа за два до того, как уехал я. Вовремя, слава богу.

Вечером четвёртого января группа ильичёвских мальчишек брела по берегу моря и смачно курила утащенные у отцов папиросы. Самый маленький и пока некурящий бежал вприпрыжку впереди всех, иногда оборачиваясь, чтобы полюбоваться огоньками в темноте. Он первым услышал странные шлепки и плеск, доносившиеся со стороны небольшой каменистой косы, на несколько метров прерывавшей песчаный пляж. Мальчишка подбежал ближе к источнику звука, взгляделся в него и криком подозвал остальных. Пока подтягивались остальные, он взгляделся внимательней. Потом завопил и бросился им навстречу.

Зина лежала на спине совсем недалеко берега. Привыкшие к темноте глаза могли достаточно подробно разглядеть её в зареве огней посёлка и свете бледного месяца, висевшего над морем. Подходили к концу четвёртые сутки с момента смерти; тело уже вернулось к более-менее нормальному облику, но ещё не перестало содрогаться и беспорядочно трясти конечностями. Вдобавок к этому оно натужно отрывало воду, скопившуюся внутри. На губах Зины пузырилась пена. Из ноздрей прерывисто сочилась жидкость.

Самая жуткая деталь, однако, находилась не на теле Зины, а вокруг него – на дне. Там извивались несколько десятков вытянутых светящихся клякс, каждая не больше двух сантиметров длиной. Их тёмно-зелёное свечение тускло на глазах: в течение минуты, пока мальчишки остоленело таращились на всё это, почти половина клякс погасла.

Никто не решился подойти к Зине, и никто не согласился остаться и ждать на берегу до прихода взрослых. В едином порыве мальчишки помчались к дому тёти Люси, постучали в дверь и сообщили о находке.

Когда тётя Люся и оказавшаяся в гостях Ниночка добежали до места, где Зина плескалась в волнах, никаких светящихся клякс не было видно. Мальчишки заголосили. Поклялись, что ничего не выдумывают. Тётя Люся только выругалась и перестала обращать на них внимание. Они с Ниночкой вдвоём вытащили Зину на берег, подхватили её под трясущиеся ноги и руки и понесли домой. По дороге Зина захрипела и начала негромко гудеть через нос.

При упоминании гудения в памяти Зининого папы вспыхнул февральский день, когда он впервые столкнулся с этим гудением сам. Внутренности папы слегка сжались.

– Она скоро перестанет... – невольно сказал он, глядя на тёмный мир, бегущий мимо за окном запорожца.

– ...А? Да уже перестала! – даже не моргнув глазом дядя Коля. – Уже перестала. Я когда уезжал, она уже вроде и тряслась меньше.

Три дня спустя он отвёз папу и Зину обратно в Новороссийск, к железнодорожному вокзалу. Зина слабо улыбалась и не очень твёрдо стояла на ногах. Сунув дяде Коле пять десяти-тысячных купюр, папа взял её под руку и обречённо поволок в зал ожидания.

Дядя Коля глядел им вслед и не верил своему счастью. Облечение, наполнявшее его душу, было безбрежно. После того, как Зина и папа вошли в здание вокзала, он забрался в запорожец и окрылённо поехал в ближайший гастроном.

* * *

В Петербурге Зина возобновила чтение учебников и занятия с репетиторами. Кроме того, мама постепенно переложила на неё почти всю работу по дому. Зина не помнила никаких событий между серединой декабря и возвращением в сознание, но хозяйственная жилка, воспитанная тётей Люсей, успела окостенеть ещё осенью. Брат Ваня стал прибавлять в весе. Он обнаружил, что Зина с воодушевлением делала для него бутерброды, макароны, гренки и даже свиные котлеты с луком независимо от времени суток и количества просьб в день.

3-го июля телевидение и жители Российской Федерации переизбрали Б. Н. Ельцина на второй срок. Зина не внесла вклада в это событие – 18 лет ей исполнилось только десятого. День рождения прошёл в суженном семейном кругу – без Вани и папы. Они уехали на дачу.

Мама подарила Зине вечернее платье. Бабушка Тоня – туалетный набор и книгу автора Козлова «Искусство быть счастливым». Бабушка Наташа тут же отметила, что истинное счастье обретается только в истинной вере, и достала пакет с иконой Богородицы (35×50 см.), а также Новым Заветом (с Псалтырем), который ей преподнесли американские миссионеры. Хотя отец Иннокентий и Клавдия Михална не уставали напоминать, что американские миссионеры смущают умы и сеют фрукты раздора, просто взять и выбросить красивое издание с золотистой шёлковой закладкой и тонкими нервущимися страницами было жаль.

Зина повесила икону над изголовьем своей кровати. Чтение Козлова и Нового Завета (с Псалтырем) пришлось отложить на будущее. Через неделю начинались вступительные экзамены на филологический факультет.

* * *

На день первого экзамена мама взяла отгул. Её угнетали тяжёлые предчувствия. Зина изъявила желание писать сочинение в своём новом вечернем платье. В конце концов её удалось отговорить, но такое начало не предвещало ничего хорошего. За завтраком и по дороге на Васильевский остров мама, чтобы как-то сбить себя с неприятных мыслей, задала Зине десяток вопросов о трудах и взглядах Фонвизина, Тютчева, Толстого и Распутина. Накануне мама заглянула в один из учебников и наугад прочитала несколько разделов. Зина ответила относительно связно и, насколько мама могла судить, без очевидной околесицы.

День был солнечный, с приятным ветерком. Когда абитуриенток запустили в аудиторию и дверь закрылась, мама на всякий случай минут сорок простояла в коридоре. За дверьми аудитории царили шорох и молчание. Паникующая Зина вроде бы не показывалась. Мама посмотрела на часы, покинула здание и пошла на Большой проспект, чтобы сесть на скамейку и скоротать время за чтением «Искусства быть счастливым». Ей хотелось знать, не пишет ли автор Козлов чего потенциально дестабилизирующего для Зининой психики.

Зина тем временем излагала на бумаге в полоску соображения на тему «Не хлебом единым: духовное измерение русской литературы (на примере двух писателей XIX-го столетия и трёх писателей XX-го столетия)».

Последний Зинин репетитор любила прищуриться и сказать, что хорошее сочинение «должно быть написано тематично, вдумчиво, эмоционально, нетривиально». Слово «нетривиально» Зина посмотрела в словаре. «Духовное измерение – самое главное измерение настоящего художественного произведения», – писала она. «Его наличие отличает истинную литературу от литературы пустой, тривиальной, написанной на потребу дня. Цель настоящего писателя – вложить в своё произведение заряд духовности и передать его читателю. Это не значит, что читателю остаётся всего лишь открыть книгу и получить этот заряд. Отнюдь! Чтобы понять духовность автора, надо вдуматься в произведение. Надо вжиться в него эмоционально, пропустить его через душу и сердце. Правильное восприятие духовности – это труд, которому надо учиться».

На этом вступительное слово заканчивалось. Начиналось прояснение терминологии:

«Что же такое духовность? Конечно же, это неотъемлемое и глубочайшее свойство русской культуры, которое нельзя объяснить в двух словах. Не хлебом единым живёт русский человек! Не обращая внимания на повседневные проблемы и мелкие заботы, он устремляется к высшей нравственности и справедливости, к счастью для всех людей на земле, к Богу, к красоте. Духовность в литературе – не что иное как художественное выражение этого стремления. Произведение с духовным измерением приоткрывает для читателя покрывало тайны, позволяет нам увидеть луч света истины, приблизиться к Богу и стать намного чище и добрее. Выражаясь образно, можно сказать, что свет истины льётся через духовную литературу прямо от Бога в душу человеческую».

Бабушка Наташа использовала это образное выражение при вручении Нового Завета на дне рождения. Она слышала его от Клавдии Михалны, которая слышала его от отца Иннокентия.

Прояснив терминологию, Зина перешла к основной части. Самыми духовными авторами XIX-го столетия, вне всякого сомнения, были Достоевский и Тютчев. Следовали старательно вызубренные цитаты из Алёши Карамазова и про камень, скатившийся с горы. В XX-ом веке знамя духовности подхватывали Блок, Цветаева и Солженицын, причём Цветаева совершенно очевидно держала его так высоко, что не выдержала и прискорбно надорвалась, а «миссия Солженицына ещё не увенчалась концом». Ему, допускала Зина, предстояло обойти в духовности всех предшественников.

«Русская литература немыслима без духовности», – заключала она. «Пока не обрывается традиция духовности и свет истины проливается на нас со страниц книг, литература живёт. Я несказанно счастлива, что мне выпало жить во время, когда Церковь и духовность встают из пепелища и возвращают свои законные права. Бог вернулся из изгнания на нашу поруганную Родину. Снова сияет сияющий град на холме! Мы можем смело надеяться, что новые русские писатели пойдут по ступням своих великих предшественников, разглядят сверкающую светочь истины и поделятся с нами своей духовностью в новых великих произведениях великой русской литературы».

Это было последнее предложение.

Про сияющий град на холме было написано в отрывном православном календаре.

На стадии проверки Зинины соображения легли на стол молодого канд. филологических наук Лилии Семёновны Соловьёвой. Лилия Семёновна привычным движением расписала красную шариковую ручку об обложку журнала «Нева» и начала скользить глазами по аккуратным строчкам Зинино сочинения. Под конец её глаза наполнились слезами.

– Молодчинка девчонка! – вздохнула она. – Просто молодчинка!

За два месяца до проверки Зининого сочинения Лилия Семёновна воцерковилась и стала носить распятие на серебряной цепочке. Что ещё более существенно, прямо накануне проверки она видела сон православного содержания. Ей приснился мужчина с бирюзовым галстуком и нимбом над головой. Он представился Александром Невским. Лилия упала на колени, но мужчина взял её за руку, поднял с колен и вывел из здания университета – прямо в васильково-ромашковое поле. Вдали, на холме, сиял град Китеж.

За сочинение Зина получила «отлично». На английский она отправилась окрылённая успехом и рассказала тему The Four Seasons без единой запинки. Определённые трудности возникли с переводом отрывка из адаптированного Сомерсета Моэма, однако обе экзаменующие преподавательницы находились под впечатлением от предыдущей абитуриентки, которая огласила название своей темы как «май футур профессьон», запнулась на втором предложении и после долгой паузы сказала, доверительно подавшись вперёд: «Сорри. Ай хэв нот ту спикинг ту инглиш мэни тайм». На этом фоне Зине с энтузиазмом поставили пятёрку.

Сдав на четыре устный экзамен по русскому, Зина внезапно поняла, что такая широкая полоса удачи в её несчастной жизни может иметь только одно объяснение – сверхъестественное. На обратном пути она пробежала всю дорогу от метро до квартиры, бросилась в свою комнату и, не снимая туфель, забралась на кровать. Стилизованный под Рублёва портрет смуглой Богородицы с младенцем настороженно смотрел на неё со стены.

– Спасибо вам, Матерь Божья и Господи! – выдохнула Зина.

Она молитвенно сцепила руки и рухнула на колени. По щекам стекали слёзы благодарности.

Так Зина поступила на филологический факультет Герценовского Университета (на специальность «Преподаватель русского языка и литературы, а заодно, на всякий случай, английского»), и так начался глубоко православный период в её жизни.

* * *

Этот период длился недолго – до 25 января следующего года – и закончился традиционно: самоубийством через повешение. На протяжении всего периода Зина, как и полагается первокурснице, ходила на все лекции, конспектировала каждое слово, читала все книги и страшно переживала. Успокоение она находила в вере. У неё по-прежнему не было друзей (сокурсницы и немногочисленные сокурсники начали тихо сторониться её едва ли не первого сентября), но зато у неё были походы в церковь с бабушкой Наташей и Новый Завет (с Псалтырем), более четверти стихов которого она подчеркнула к январю синим карандашом.

Она перестала носить джинсы и юбки выше щиколотки. Она перестала надевать блузки с короткими рукавами. Она молилась перед едой, раздражая маму и забавляя Ваню – он без конца передразнивал её и при первой же возможности раскатисто завывал «Гоооосподууу поооомоооолимсааа». Папа держался корректно, с усталым любопытством. Как-то вечером он даже взялся за Новый Завет, но после третьего Евангелия имел неосторожность спросить у Зины, какое же из четырёх всё-таки правильное. Зина крикнула, что они все одинаково правильные, вырвала у него книгу и закрылась у себя в комнате. Несколько дней после этого она отказывалась разговаривать с ним.

Вместе с январём наступила первая сессия. Зина сдала её на три не очень твёрдые тройки. Плохие оценки она отнесла на счёт своей греховности. Чтобы понизить греховность, она начала молиться в два раза чаще и носить на голове цветастый платок, взятый у бабушки Наташи.

Мама забеспокоилась. Втайне от Зины, она устроила матери разбор полётов. Под конец беседы бабушка Наташа плюнула в её сторону и посулила ей божью кару, если она вздумает вмешиваться в религиозное воспитание. Мама хлопнула дверью и той же ночью шёпотом поведала папе о своём беспокойстве.

– И что мы можем сделать? – отозвался папа со своего края расстеленного дивана. – Чего, не помнишь, как она психанула, когда я её про Библию спросил?

– Помню, – угрюмо прошептала мама.

Было решено успокоиться и надеяться на лучшее.

* * *

Несмотря на цветастый платок, в котором Зина явилась на последний экзамен, по окончании сессии одногруппники пригласили её отпраздновать вместе с ними. Они были, в целом, неплохо воспитанной, вежливой молодёжью. После некоторых нравственных колебаний Зина приняла приглашение. 25 января, в 6 часов вечера, она пришла в квартиру старосты Юли на Третьей линии и, не снимая платка, села за стол. Юля сослалась на недоделанные закуски и скрылась на кухне. Из музыкального центра раздавалось «Радио Максимум».

Постепенно подошли все остальные. Три девушки привели своих молодых людей. Денис, один из двух юношей группы, явился с крысой-альбином по имени Рапунцель в кармане куртки. Во время застолья крыса шустро бегала по его плечам и шевелила усами. Все смеялись и совали ей кусочки хлеба и крекеров. Смаковали детали сессии. Относительно невинно перебивали косточки преподавателям. Пили «Монастырскую избу» и коньяк. Несколько раз танцевали под танцевальные элементы репертуара «Радио Максимум».

Зина продолжала сидеть в платке, отодвинувшись от стола и сочувственно улыбаясь. Она ничего не пила и почти ничего не говорила, и первые часа два никто особо не замечал её присутствия. Приведённые молодые люди, конечно, шёпотом спросили своих девушек, что это за ненормальная, и шёпотом получили указание не обращать на неё внимания.

К половине девятого вежливость и тактичность собравшихся были изрядно разбавлены алкоголем. Общение перестало быть общим и разделилось на секции. Хозяин крысы Денис самозабвенно покачивался на табуретке, доедал последний бутерброд с красной рыбой и мычал под радио. Крыса сидела у него на голове, зарывшись мордочкой в густую рыжую шевелюру.

– Эй, привет, Зин, – крикнул Денис, дожевав бутерброд. Потом, для верности, помахал рукой.

– Здравствуй, Денис, – ответила Зина с другого конца стола. – Ты только меня заметил? Я самая первая пришла.

– Не сомневаюсь, – икнул Денис. – Ты, я сморю, улыбаешься всё загадочно. Как Джоконда.

– Да, улыбаюсь, – согласилась Зина.

– А чего улыбаешься-то? Если не секрет?

– Да так... Смотрю на вас всех...

В глазах Дениса вспламенился интерес. Он непроизвольно дёрнул головой, и крыса вскочила, принимая боевую стойку.

– И что ж ты видишь?

– Вижу суету сует и томление духа, – скорбно сказала Зина. Она готовила эту фразу с начала вечера.

– Да ну? – саркастически изумился Денис. – Правда что ль так всё запущено?

– Да, – Зина наклонила голову. – Молодёжь в наши дни слишком далека от Церкви. Вы живёте не по Слову Божьему.

Одна из девушек увлечённо целовалась со своим молодым человеком на диване прямо за спиной Зины.

– Дэн, оставь Зину в покое, – подала голос из прихожей староста Юля.

Денис пропустил её слова мимо ушей. Диалог с Зиной захватил его. Он даже бросил качаться на табуретке.

– Так мы что, в ад все попадём?

– Это ваш собственный выбор. Вы не хотите повернуться лицом к Богу. Бог всегда готов принять вас.

– Готов? Нас прямо всех? А ты, значит, в рай? Пойдёшь? После смерти?

– В рай попадают все настоящие православные, – уверенно сказала Зина.

– ... Оооо, Зина, ты круто заблуждаешься! – Денис соскочил с табуретки, придерживая крысу рукой. – Тебя круто обманули! Я щас открою тебе глаза на истину! Юлькаааа! У тебя Библия есть?

– Дэн, да оставь ты Зину в покое, она верующий человек, – отозвалась староста Юля.

– А я что, против? – Денис обиженно посмотрел на неё. – Я ж не говорю ей, что христианство – фуфло. Я ей только Библию хочу почитать. Есть у тебя?

Сначала Юля наотрез отказалась искать Библию, но несколько человек громко выразили интерес к открытию Зининых глаз на истину. Юля сдалась. Она принесла из другой комнаты невзрачное перестроечное издание Нового Завета и протянула Денису. Денис схватил книгу и полез смотреть содержание.

– Ты её хоть читал раньше? – недоверчиво спросила Юля.

– Неа! – Денис покачал головой и крысой, не отрываясь от Нового Завета. – Я книгу моего деда читал! Раз десять. «Библия как она есть» называется. Лениздат восемьдесят третий год. Всем настоятельно рекомендую. Зе взри бэст оф зэ байбл с дедовскими комментариями... Во, нашёл!

Он подскочил к Зине, пододвинул себе табуретку и сел.

– Священное Писание у нас не врёт, так?

– Так, – боязливо кивнула Зина.

– Тогда слушаем! Внимательно! Кхе кхе. Откровение Святого Иоанна Богослова. Это про Армагеддон и Страшный Суд которое. Основная идея данного произведения в том, что добро всегда побеждает. Энное количество праведников попадает в небееесный град Ерусалииим, – пропел Денис. – Остальных травят, пытаются и вообще мочат по-всякому, а потом бросают в огненное озеро. Навечно. Кто же попадает в небесный град Ерусалим? Читаем...

Несколько минут Денис с выражением зачитывал отрывки про двенадцать колен Израилевых по двенадцать тысяч каждое, про их генеалогию и про то, как они не осквернились с жёнами и следуют за Агнцем прямо в освящённый ясписом кристаллоподобным и набитый ценными минералами Иерусалим сквозь двенадцать специальных ворот, в то время как подавляющее большинство человечества жарится в озере, горящем огнём и серою.

– Вот так!

Денис триумфально обвёл собравшихся глазами. Собравшиеся оцепенело молчали. Зина заворожённо смотрела на Дениса. Крыса спустилась на правое плечо и шевелила длинным розовым хвостом.

– Это что, серьёзно в Библии написано вот всё это?.. – недоверчиво спросил один из приведённых молодых людей.

– Чёрным по белому, – заверил Денис. – Теперь главное. Помолимся о даре истолкования. Какие выводы можно сделать из прочитанного? Во-первых, в рай попадает только сто сорок четыре тысячи человек. Это меньше, чем в Новгороде население. Во-вторых, все они из колен

Израилевых. Проще говоря, евреи. Значит, из всех, кто сейчас сидит в этой комнате, шанс есть только у Тани Перельман. Но и Танька пролетает, потому что в-третьих. В-третьих, прямо сказано: никто из ста сорока четырёх тысяч не осквернился с женщиной. Все девственники, короче. Девственники! Значит, женщин среди них нет по определению. Что и следовало доказать. Таким образом, мы видим, что все присутствующие – включая тебя, Зина – мы видим, что всем присутствующим светит огненное озеро с серой. Никакого рая нам не будет, даже если мы все будем носить платки с утра до вечера. Понимаешь?

Денис и Рапунцель одновременно повернули головы в сторону Зины. Именно это и стало последней каплей. Зина завизжала, схватила крысу и швырнула её в музыкальный центр. После секундного замешательства Денис крикнул «идиотка!» и бросился к крысе, которая срикошетила на пол и теперь лежала там, пища и дёргаясь. Зина выскочила в прихожую и стала одеваться. Никто не останавливал её.

Она сумела вернуться к своему дому и уже почти вошла в подъезд, когда её заплаканные глаза сфокусировались на долгострое за проспектом. Пометавшись по двору, Зина бросилась туда. Не было греха страшней самоубийства, но если Господь в любом случае уготовил ей озеро с серой, то казалось разумней всего сразу отдаться Его воле.

Она быстро нашла прореху в скособоленном бетонном заборе. На заброшенной стройплощадке было снежно, неровно и темно; на пути к пяти построенным этажам валялись невидимые кирпичи, обломки бетона и куски арматуры. Зина несколько раз споткнулась. Прямо перед входом в недостроенное здание её нога зацепилась за провод. Минуту или две Зина рыдала в снег и скребла коротко остриженными православными ногтями обледеневшую землю. Потом она поднялась на ноги и, приложив титанические усилия, выдернула провод.

Остальное было делом нескольких минут – если быть точным, двадцати двух.

Старая овчарня

В половине первого родители Зины позвонили старосте Юле. После звонка они, по зарождавшейся традиции, сели на кухне и принялись молчать. Чуть позже на кухню вошёл в трусах и майке Ваня. Через месяц ему исполнялось шестнадцать. Ваня прислонился к холодильнику.

За приоткрытыми шторами медленно кружился редкий снег.

– У меня никаких предложений, – наконец нарушил молчание папа. – Пойдёмте-ка все спать.

– Чё, думаете, она опять на дачу поехала вешаться? – спросил Ваня.

Мама хотела посмотреть на него с упрёком, но передумала.

– Толик, расскажи Ваньке всё. Про последние два раза, – обратилась она к папе.

– Какое всё? – выпрямился Ваня. – Про Зинку?

– ... Сериал, твою мать, – не услышал их папа. – Кошмар на Третьей Улице Строителей...

Чуть позже, взяв с Вани клятву не трепаться, папа рассказал ему все запредельные подробности трёх предыдущих самоубийств. В том, что произошло четвёртое, он не сомневался. Ваня выслушал папу без больших глаз и лишнего энтузиазма. Он заявил, что давно подозревал что-то в этом духе и что тело Зины, скорее всего, находится под полным или частичным контролем пятого измерения или инопланетного разума.

– Хреновый чё-то разум, – сказал на это папа. – Сессию даже сдать нормально не может.

– А ты думаешь, он будет тебе сразу чертежи бластера рисовать? Или это – корни пятой степени извлекать в уме? – парировал Ваня. – Само собой, что он не показывает никому, что он высший разум. Он маскируется. Чтоб мы ничего не заподозрили. Мы с парнями как раз фильмец такой смотрели на днях...

– А зачем ему вешаться постоянно? – спросила мама.

– Откуда я знаю? Может, ну... Может, это тело так меняет хозяина! Один разум выполняет свою миссию, освобождает тело, на его место приходит другой. А все эти самоубийства – это всё для маскировки тоже.

– Не, Ванька, фигня это всё. Слишком тупо это для инопланетного разума. Из пятого измерения, – покачал головой папа. – Мамина версия про мутацию мне больше... Правдоподобней кажется.

– ... Может, это болезнь? – вслух подумала мама. – Зина заразилась где-нибудь...

– Да какая ж это на фиг болезнь! – возмутился Ваня. – От болезней умирают, а эта воскресает наоборот! А эти – светляки в море, про которые, ты говоришь, пацаны говорили? Что это, микробы с лампочками? Вирус СПИДа на батарейках?

– Слышал бы нас кто... – безрадостно заметила мама.

– Неизвестно ещё, видели эти пацаны что-нибудь вообще или придумали всё...

– Да на фига им придумывать? Да у них и фантазии бы не хватило!

– Фантазии на это много не нужно, – буркнул папа. – Можно просто фильм посмотреть...

Через час все пошли спать при своих мнениях.

* * *

Утром папа для порядка съездил в милицию и объявил Зину в розыск. В глубине, а также на поверхности души он надеялся, что её не найдут. В некотором смысле, его надежды оправдались: милиция действительно не нашла Зину. Прежде её обнаружили братки и Хунагов А. М.

Братки были любительского пошиба. Они имели два гвоздодёра на четверых и один пистолет ТТ 1952 года выпуска, купленный у Подольского Д. П., майора милиции в отставке. Боевой машиной им служил форд 81-го года, тщетно выкрашенный в чёрный цвет.

Однако плох тот браток, который не мечтает стать Аль Капоне, даже если это имя ему ничего не говорит. Наши братки стремились действовать, как взрослые. Ровно через трое суток после того, как Зина кое-как испустила дух в обледенелой резиновой петле (позднее, понятное дело, оборвавшейся), они приехали в окрестности стройки, чтобы не по-детски разобраться с Хунаговым А. М., владельцем неказистого ларька «Продукты» у троллейбусной остановки. В этом ларьке папа Зины обычно покупал «Балтику 4», «3» и «2», мама брала шоколад и печенье с кремовой начинкой, а Ваня, оглянувшись по сторонам, приобретал сигареты.

Чтобы не светиться, а также не компрометировать серьёзность своих намерений, братки оставили форд на параллельной улице, засунули гвоздодёры в рукава, пересекли дворы и увидели девятку Хунагова рядом с остановкой. То есть там, где они ожидали её увидеть. Дверь ларька была открыта. Хунагов стоял на пороге, спиной на улицу, и разговаривал с продавцом на языке, который братки по умолчанию считали азербайджанским, хотя на самом деле он был адыгейским и принадлежал к совсем другой языковой семье – восточно-кавказской. На троллейбусной остановке гоготали два подростка с бутылками ледяного пива в руках. Из их ртов поднимался пар. Было минус шесть градусов Цельсия.

Братки обступили спину Хунагова.

– Ну, здравствуй, Азамат.

Сначала события разворачивались по плану. Хунагов показал ладони и выразил готовность обсудить всё по-людски. Братки понимающе закивали и разделились. Двое повели Хунагова на разговор по-людски; двое остались у двери ларька и закурили. Продавец, смуглый юноша с большими глазами, осторожно опустился на обитую клеёнкой табуретку и оцепенел, подчёркнуто отвернувшись от выхода.

Через полторы минуты со стороны долгостроя раздался свист. Братки бросили окурки в снег и втиснулись в ларёк.

– Братья, я ничего не знаю. Я на вас не смотрю, – сказал продавец с дрожащим акцентом.

– Какие мы тебе на хуй братья, – предвосхитили братки Данилу Багрова из кинофильма «Брат», который ещё не вышел.

Они сбросили юношу на пол и били табуреткой и ногами, пока он не затих. Потом заваляли непроданным товаром с полок.

Подростков сдуло с остановки на другую сторону проспекта.

Схватив пару бутылок пива, братки покинули ларёк и побежали вдоль забора стройки – обратно к траурному форду. По их телам приятно разливался адреналин. Деловые лица сморщились от острых ощущений.

В этот момент из-за забора щёлкнул выстрел. Братки остановились как вкопанные. Раздался второй выстрел. Потом третий. Как и первые два, он прокатился по окружающим девяти- и шестнадцатизатяжкам гулким эхом.

– Ну Пингвин долбаёб, – высказался один из братков.

– А я ему говорил бля: не бери пушку, – высказался другой.

Пингвин тем временем начинал понимать, что выстрелил во что-то не то.

Вначале они благополучно протащили Хунагова А. М. сквозь дыру в заборе и дотолкали почти до недостроенного здания. Хунагов всё это время пытался говорить по-людски. Он честно перепутал дни, сказал он. Он хотел предупредить. Он готов лично подъехать к Паше в любое время. После условного свиста Хунагову стало ясно, что разговор не склеится. Он сделал глубокий вдох и с разворота дал Пингвину в морду – так, что тот опрокинулся в снег. Второй браток рефлексивно взмахнул гвоздодёром, но Хунагов в своё время бегал стометровку быстрее всех остальных юниоров Адыгейской автономной области. Он перемахнул через груды бетонных балок и скрылся в зияющем подъезде. Пингвин ошалело поднялся на ноги. Его нос отваливался от боли и ронял частые горячие капли. Пингвин вытащил из куртки пистолет, неуклюже перелез через балки и, не обращая внимания на сдавленные протесты соратника, бросился в подъезд.

Тьма объяла его. Он взбежал на первую площадку и прислушался, тяжело дыша и ощущая воздух свободной от пистолета рукой. Слабое фиолетовое зарево откуда-то сверху подсказывало ему, что площадка продолжается вперёд и вправо. Пингвин нерешительно шагнул вперёд, но тут же услышал справа отчётливый шорох, повернулся, выстрелил и побежал вслед за выстрелом.

Не пробежав и трёх метров, он врезался в стену, но моментально забыл об этом, потому что увидел вход в чуть менее непроглядное помещение, у противоположной стены которого, прямо под оконным проёмом, что-то шевелилось. Пингвин выстрелил ещё два раза – прямо в шевеление. Оно, тем не менее, не прекратилось и даже не изменило своего характера. Не опуская пистолет, Пингвин храбро подошёл ближе.

Он окончательно убедился, что шевелится на полу не Хунагов, когда щёлкнул зажигалкой и увидел белёсое женское лицо с аккуратной дыркой в скуле. Кожа вокруг дырки вздулась, образовав подобие кольца. Кровь при этом ниоткуда не текла, а голова продолжала трястись – вместе с туловищем и босыми ногами.

Пингвин считал себя искушённым ценителем видеофильмов про живых мертвецов. В сложившейся ситуации он заорал, наложил в штаны и сиганул обратно на улицу.

Когда вопли и ругань братков стопроцентно стихли за забором, А. М. Хунагов начал спускаться с последнего достроенного этажа. Он был немного озадачен случившимся. Он уже успел помолиться и мысленно подготовиться к встрече с Всевышним. Но встреча, похоже, откладывалась. На первом этаже Хунагов на всякий случай остановился и замер. Так он услышал шум трясущегося тела Зины.

Значительная часть Зининой одежды уже превратилась в тряпки. Наименее рваным остался пуховик. Хунагов осторожно застегнул его и взвалил Зину на плечи. Потом вышел

на улицу и направился к дыре в заборе. Трясущееся тело норовило соскользнуть и несколько раз едва не повалило его. Ещё протаскивая Зину через дыру, Хунагов увидел продавца, лежавшего на краю заснеженного газона рядом с ларьком, лицом вниз. Продавец слабо шевелил головой и постанывал. Снег вокруг него был испачкан кровью.

Хунагов бегом донёс Зину до девятки, посадил на заднее сиденье и вернулся за продавцом. Он попытался взять юношу на руки, но тот закричал от боли. В конце концов проходившая мимо женщина помогла донести продавца до машины и положить на заднее сиденье. Зина к тому времени уже сползла с сиденья на пол и сложилась там, выбросив вперёд босую ступню.

– ... И её что ль тоже? – женщина взглядела в сумрак внутри девятки. – Ой, а с ногой-то у неё что?! О господи боже ты мой...

Хунагов посмотрел на ногу Зины. Его передёрнуло.

– Не имею понятия. Врачи скажут, – он убрал ногу Зины внутрь и закрыл заднюю дверь. – Спасибо вам большое. Где здесь больница поблизости, вы не знаете?

* * *

Под утро Зининым родителям позвонили из милиции и сказали, что найдена девушка в аномальном физическом состоянии со студенческим билетом на имя их дочери. Папа натянул штаны и свитер, опрокинул в себя стакан кефира и поехал в больницу.

– Она? – спросил дежурный врач.

– Она, она, – нетерпеливо сказал папа. – Нашлась... Мне сказали, какое-то аномальное физическое состояние у неё? Чего с ней такое?

– Даааа, есть странности определённые... – врач приподнял одеяло и показал папе ноги Зины. – Ну, что она трясётся без сознания несколько часов – это ещё как бы куда ни шло... Дыхание тоже очень необычное... Но вы особенно на ноги посмотрите.

Папа посмотрел. Между пальцами Зининых ног ещё не было промежутков – только пульсирующие красноватые вмятины. Коленные чашечки тоже пока не совсем встали на место и находились на несколько сантиметров ниже обычного. Папа изобразил на лице изумление.

– У неё ведь не с рождения так? – с надеждой спросил врач.

– Нет, – убил его надежду папа.

– Мы вначале подумали, что врождённая аномалия... Но я потом смотрю, что изменения происходят... Вначале вообще пальцы почти намечены не были, а сейчас, как видите... И колени стали ближе к норме. На лице тоже – видите здесь? – здесь было углубление, закрытое тонкой тканью, как будто соединительной. Ну, вот как сейчас между пальцами ног у неё... И посинение вокруг было. А сейчас – видите, да? – только пятнышко осталось красное. То же самое вот здесь, – врач ткнул пальцем под левую грудь переодетой в больничную пижаму Зины, – и в спине, с другой стороны, чуть пониже правой лопатки. То же самое...

– Интересно, – честно сказал папа. – Очень интересно. Она не вернулась домой. Четыре дня назад. Была в нормальном состоянии, когда уходила. Мы её... искали. Так отчего же? Отчего это с ней такое?

Врач развёл руками.

– Ничего не могу сказать определённого. Будем анализы делать... Мы бы и раньше сделали, да с ней как раз парня привезли... С проломанным черепом и с ребром в лёгких. Он умер полчаса назад. В реанимации.

– Парня привезли? Кто их привёз?

– Мужчина какой-то. Он щас в милиции, наверно...

В то же утро папа встретился с Хунаговым А. М. и услышал от него про выстрелы и про обрывок провода, который тот снял с Зиной шеи.

Анализ крови у Зины удалось взять только к середине дня – до этого кровь отказывалась течь, а когда её всё-таки извлекали при помощи шприца, почти мгновенно превращалась в бурый денатурированный раствор, который поверг весь персонал в лёгкий шок. В четыре часа всё внезапно пришло в норму, кровь перестала выкидывать фокусы и стала совершенно обыкновенной кровью первой группы, без указаний на какие бы то ни было аномалии. Слюна оказалась столь же бессодержательной. Первые дикие кардиограммы постепенно сменились стандартным жизнеутверждающим рисунком. Дыхание стабилизировалось. Коленные чашечки встали на место, пальцы ног разделились, следы загадочных углублений на лице, затылке и теле полностью исчезли. Началось и быстро кончилось жутковатое гудение. Вернулось сознание, с воспоминаниями вплоть до первых чисел января. Через пять дней Зину выпи-сали.

– Значит, говорите, было уже так раньше? – спросил в заключение другой врач.

– Было, – подтвердил папа. – И привозили её в больницу уже. Только позже. Когда всё прошло. Никто не заметил ничего странного.

– Ясно... – врач смотрел мимо папы, на потёртый временем советский плакат на стене. – Ну, вы не пропадайте, приводите её на обследование время от времени, будем её на учёте держать... Мы бы её и сейчас ещё подержали, конечно... Понаблюдали бы... Интересный случай... Но такой сейчас аврал...

– Понимаю, – поднялся со стула папа.

* * *

В середине февраля Зина снова стала ходить на занятия, причём в джинсах и без платка на голове. Её христианский запал угас так же бесследно, как угасла после первого самоубийства любовь к Паше из 11б. Зина помнила о своём предсмертном благочестии, но помнила отстранённо – как Ваня своё былое увлечение игровой приставкой Dendy.

Заметив такое охлаждение к вере, бабушка Наташа попыталась поговорить с Зиной по душам, но Зина не понимала сути предъявляемых претензий. В начале разговора она зевала; под конец, поскольку тонá бабушки Наташи становились всё более повышенными, расстроилась до слёз. На этом месте вернулась с работы мама и откровенно выставила бабушку из квартиры. Три месяца после этого они не разговаривали.

Ваня облазил недостроенный дом сверху до низу и даже притащил откуда-то счётчик Гейгера, чтобы замерить уровень радиации на месте самоубийства Зины. Подобно папе, он принялся покупать литературу эзотерического характера. Но в его книгах толковалось о более свежих тайнах мироздания: неопознанных летающих объектах, близких контактах третьего рода, параллельных мирах и Курте Кобейне, который жил в одном из них и диктовал оттуда свои новые загробные песни. Кроме того, Ваня придумал для Зины звучный диагноз, в который та с удовольствием поверила: «эпизодический депрессивный психоз, проявляющийся в кратковременных приступах амнезии». Слово «психоз», правда, Зина опускала. И добавляла слово «глубокий»:

– У меня глубокая эпизодическая депрессия, проявляющаяся в приступах кратковременной амнезии.

– Больше ни в чём? – кисло спросил Денис.

Его крыса умерла от стресса и полученных телесных повреждений через одиннадцать часов после вечеринки.

– Что ты имеешь в виду, Денис? – не поняла Зина.

– Ну, там, в религиозном фанатизме?

– Дэн, оставь Зину в покое, – рутинно сказала староста Юля.

Полтора года эмоциональное состояние Зины оставалось стабильным. Зина занималась, сдавала экзамены на «удовлетворительно», готовила еду, ни в кого не влюблялась, никому не молилась. Родители немного воспряли духом, особенно мама. Однако в августе 1998-го Зинина стабильность обрушилась вслед за государственными облигациями курсом рубля.

Дефолт не поразил Зину непосредственно. Она не имела собственных сбережений и, более того, находилась на даче, собирая урожай овощей и конспектируя мировую литературу трёхцветной шариковой ручкой. Иногда она читала вслух бабушке Тоне – отчётливо, хотя и без малейшего намёка на выражение. В остальное время бабушка Тоня пила на веранде белорусский лимонад и слушала «Маяк». Ей вспоминался обдуваемый лёгким бризом посёлок Ильич на берегу двух морей.

Родители приезжали по пятницам и уезжали в воскресенье. Ваня наслаждался последним летом детства в летнем лагере, удалённом от посёлка Ильич на двести тридцать километров.

На неделе, которая началась с дефолта, порядок вещей был нарушен. Родители приехали в субботу, после полудня. Мама смотрела вокруг себя красными заплаканными глазами. Её нерасчёсанные волосы падали на мятое, невыспавшееся лицо. Небритый папа был одет в пиджак поверх майки и спортивных штанов.

Мама поздоровалась с бабушкой Тоней и Зиной. Папа не издал ни звука. Он сел на скамейку под яблоней, прислонился спиной к стволу, достал из внутреннего кармана бутылку коньяка и отхлебнул.

– Ну чего, Тань? – шёпотом спросила бабушка Тоня, вцепившись руками в перила крыльца. – Я тут радио всю неделю слушаю. День и ночь. Извелась уже. Как у вас?... Что с Толей?

Мама вдохнула. Выдохнула. Махнула кистью руки.

– Спрашивайте у него, Антонина Устиновна.

Бабушка издали вгляделась в папу и покачала головой. После мамы она была ведущим специалистом в области папиной психологии. Третьим был Ваня. Если бы он случился поблизости, он бы тоже мгновенно определил, что в ближайшие сутки папу лучше не спрашивать ни о чём.

Зина утратила знания папиной психологии всё в том же восьмом классе. Сначала отхлёбывающий отец с двухдневной щетиной просто напугал её. Она постояла в пяти метрах от него и пошла в дом – принимать участие в безмолвном чаепитии с мамой и бабушкой. Несколько раз она нарушила молчаливое жевание пряников замечаниями об овощах и мировой литературе. Мама односложно мычала в ответ. Затем Зина вернулась к чтению и конспектированию. Через час она прервалась, чтобы сходить в фанерно-рубероидный туалет на краю огорода.

Яблоня с папой находилась по пути к туалету. Возвращаясь, Зина остановилась напротив папы, превозмогла страх и спросила, что случилось.

– А, Зинуля, – сказал папа. – Ты присядь пока, я щас тоже схожу и всё тебе объясню.

Он поставил бутылку на скамейку и пошёл в туалет. Зина нерешительно присела на краешек. Бутылка была наполовину пуста. На крыльце немедленно нарисовалась мама.

– Зина! – крикнула она. – Не беспокой отца. Иди в дом, занимайся.

– А ты не трогай её, Тань, – раздалось из туалета. – Она меня не беспокоит. Мы с ней щас будем говорить. Как отец с дочерью.

Зина посмотрела на маму, пожала плечами и осталась на скамейке. Мама устало щёлкнула языком. Ей не хотелось вступать с папой ни в какие формы коммуникации. В конце концов она зашла обратно в дом.

По возвращении из туалета папа опустился на прежнее место.

– Ну, как литература? – вкрадчиво спросил он, отхлебнув.

– Очень интересно, – ответила Зина. – Я могу тебе что-нибудь посоветовать почитать, если у тебя есть свободное время. В июле я читала зарубежную классику. Это позволяет уви-

деть корни. Появляется чувство исторической перспективы. Литература итальянского Возрождения удивительно многоплановая. Лично мне из зарубежной литературы близок немецкий романтизм. Но с начала августа у меня по плану идут русские авторы, по большей части. Это, папа, как земля и небо. Сразу чувствуешь, насколько тоньше русская литература. Чувствуешь, насколько ближе она твоей душе. Чем больше я учусь, пап, тем лучше понимаю, что литература – наше главное богатство. Сейчас я...

– Это ты правильно понимаешь, – громко перебил её папа. – Это наше главное богатство. Больше ни хера у нас нет.

Он отхлебнул и для разнообразия поморщился. Доцент Метёлкин, владелец дачного домика через дорогу, громко поздоровался из-за забора и пошёл дальше по своим делам.

– Привет, привет, – запоздало откликнулся папа. – Рисуй доллары, доцент... Что я, тебе, Зинуля, скажу, чудо ты наше бессмертное. Тебя, ясен пень, только вечное интересует. И это прекрасно, Зинуля, прекрасно. Литература... Историческая перспектива... Неее, я не вижу ни хера никакой исторической перспективы. Только вижу исторический кобздец. Может в твоей тонкой литературе написано где-нибудь, почему так? А? Написано? Пушкин писал об этом?

– О чём? – прошептала Зина.

– Почему везде чужих сначала имеют? А у нас своих имеют в первую очередь? От тонкости, что ли? Деликатные они у нас очень, да... Стеснительные... Вот чё бы нормальная страна сделала? Нормальная страна набрала бы кредитов за границей, а потом сказала бы, миль пардон, нету у меня денег. Жопа только голая и ракеты у меня. Не буду ни хера отдавать. И вот чё вы все будете делать... Или напечатала бы. Включила бы станок и напечатала. Леса много. Бумаги хватит. Городов хватит. Но неее, ни хера... Они ж тока что нолики убрали с бумажек. Копейку вернули в оборот. С гордостью. Как же ты тут будешь деньги печатать? Некрасиво же. Опять нули полезут... Неее, ясен пень, лучше всего у своих отобрать. Своих отыметь. Дерьмо не надо из избы, здесь все привычные. Государственные облигации... Государство... Твоя родина – эмэмэм, Зинаида. Понимаешь? Эм – эм – эм. Наша историческая перспектива – пирамидостроение. Написано об этом в литературе? Если не написано, я тебе щас расскажу, ты сама напишешь потом. Может, прославишься. Сначала, Зинаида, всех стгоняют строить пирамиду. Как в Египте, вручную. Пóтом и кровищей. А в конце пирамида эта разлетается на хер и всех пришибает. Кто не спрятался, я не виноват. Потому что на коленке проект рисовали. И так они пирамиду за пирамидой. Пирамиду за пирамидой... Ты вот, Зинаида Бессмертная, ты молодец у нас. Будешь духовно богатая. Ты ещё в бога зря бросила верить. Бог – это вообще железно. Ушла бы в монастырь, там никого ничего не колышет. Мирись с бабой Наташей, пока не поздно... А иначе пришибёт потому что. Как меня. Пять лет, блядь, откладывал. Своё дело хотел. Всё с корешом прикинули. Всё просчитали. Потом пошёл, блядь, в банк. Весной. Старомодно, сказали, деньги под матрасом держать. Отсталость это, дядя. Деньги должны работать. У них в банке. Он динамично развивается... – папина рука, державшая коньяк, затряслась. – Ллллитература, да... Иди-ка ты всё-таки в монастырь, Зинуля. Жизнь – это не литература. Она ни хера не тонкая. В жизни жрать надо. Деньги надо зарабатывать. И в зубах держать, – папа оскалился и, рыча, продемонстрировал, как именно надо держать в зубах деньги. – Неее, однозначно в монастырь, Зинаида. Там учиться можно книжками... А вообще, – папа развернул голову и смерил сжавшуюся на краешке скамейки Зину взглядом с поволокой. – Вообще, чё тянуть всю эту волюнку. Тебе не впервой. Иди, повесься где-нибудь за посёлком. Может, в этот раз получится до конца. Вот тебе, погоди... – папа порылся в своих спортивных штанах и извлёк оттуда маленький складной ножик с шестью лезвиями. – На, держи. Срежешь у доцента бельевую верёвку. Только петлю повнимательней завязывай. Ну, давай. Вперёд... – он легонько подтолкнул Зину локтем.

Зина встала, всхлипывая и сжимая ножик в трясущемся кулаке.

Папа развернул голову обратно, встряхнул бутылку и отхлебнул больше обычного.

- Советую на старой овчарне. Там много балок удобных, – добавил он.
- Хорошо, папа, – Зина поковыляла к калитке.

За калиткой она бросилась бежать. Она срезала бельевую верёвку в незнакомом огороде на краю посёлка и повесилась на старой овчарне. Пятьдесят минут спустя, когда мама прибежала туда вслед за ней, Зина медленно крутилась над опрокинутым ржавым бидоном. Ещё через полминуты верёвка оборвалась.

Улица Уточкина

Таким образом в Зинины сложные отношения со смертью была посвящена бабушка Тоня. Поздно ночью они с мамой перенесли тело из овчарни в дом. Чтобы не попадаться на глаза пьяной дачной молодёжи, они сделали большой крюк через рошу, подступавшую почти вплотную к их участку. Тропинка была узкая и давно не хоженная, а Зина за последние полтора года заметно прибавила в весе. Через каждые пятнадцать-двадцать метров приходилось останавливаться.

- Ну надо же, – мечтательно сказала бабушка Тоня во время одной из передышек.
- В смысле? – спросила мама.

– Вот уже не думала, что буду тащить мёртвую внучку по лесу... А ты ещё и говоришь, что она оживёт через четыре дня. Интересно-то как...

Мама с некоторой завистью посмотрела на чёрный силуэт бабушки Тони. Ей никогда не приходило в голову, что самоубийства и воскрешения Зины можно описать словом «интересно».

Бабушка осталась на даче вместе с телом. Когда она заметила, что тело начинает подрагивать, она перенесла радиоприёмник с «Маяком» в комнату и, отвлекаясь только на сон и приготовление картошки в мундире, в течение четырёх суток предавалась наблюдениям. Уже под конец ей пришлось в голову взять с Зинино стола чистую тетрадку и последовательно описать все метаморфозы. До ухода на пенсию бабушка Тоня тридцать шесть лет проработала геологом: сначала полевым, причём нередко в Сибири; затем кабинетным в Ленинграде. На исходе седьмого десятка её ум был по-прежнему пытлив и по-прежнему любил обстоятельность.

Годом позже Зина предоставила бабушке Тоне возможность продолжить записи в тетради. Она повесилась прямо в её квартире на Улице Уточкина.

У Зины был свой ключ от квартиры. После августовского самоубийства они с бабушкой Тоней заметно сблизились. Иногда Зина несколько дней подряд жила в комнате покойного деда Андрея, в окружении желтеющих книг о машиностроении и фотопортретов людей в касках и защитных очках. Сам дед Андрей, прежде чем умереть от рака, успел прожить в этой комнате чуть больше года. Зине, впрочем, казалось, что он прожил там несколько столетий. В день смерти деда время в комнате остановилось – об этом свидетельствовал даже отрывной календарь, на котором выцветало 13 сентября 1987-го года.

13 сентября 1999-го года Зина приехала на Улицу Уточкина в два тридцать пять. Она включила телевизор на кухне и принялась тушить картошку. Бабушка сидела в гостях в доме напротив, у своей бывшей сотрудницы и лучшей подруги. Происходил одиннадцатый мемориальный разговор про деда Андрея.

В три часа по телевизору начались новости.

Здесь нелишне отметить, что к тому моменту Зинино эмоциональное состояние неуклонно ухудшалось уже больше месяца – с тех пор, как она попыталась работать вожатой в лагере в Приозерском районе и четырьмя днями позже была снята с отряда и отправлена обратно в Петербург, к большому сожалению детей, которые только-только вошли во вкус и готовились издеваться над ней по-настоящему. Третьего сентября на это потрясение наложилась новая преподавательница английского Жанна Васильевна. Уже к середине первого заня-

тия она сказала Зине: I think you're just wasting everyone else's time here, my dear. Удар было особенно чувствителен, поскольку на первом и втором курсе Зинин аграмматичный, но относительно быстрый английский удовлетворял, а временами даже радовал преподавателей.

После удара Жанны Васильевны Зина балансировала на грани, но за очередную последнюю черту её вытолкнули именно новости. В новостях показали руины многоквартирного жилого дома в Москве и сказали буквально следующее:

– ... в том числе тела десяти детей. Кроме того, извлечены тринадцать фрагментов тел, не поддающихся идентификации. По уточнённым данным МЧС России, во взорванном доме на Каширском шоссе были зарегистрированы сто сорок четыре жильца. На месте трагедии уже вывешен так называемый «список живых». Он содержит имена тридцати девяти человек, прописанных во взорванном доме. По разным причинам, минувшей ночью эти люди не ночевали в своих квартирах. Госпитализированы на данный момент девять человек, в том числе двое детей. Состояние здоровья детей оценивается медиками как удовлетворительное. Амбулаторная помощь оказана...

Ещё утром Зина слышала, как одноклассники говорили что-то о взрыве в Москве, но была слишком заиклена на предстоящем занятии с Жанной Васильевной, а Жанна Васильевна, в свою очередь, вообще никогда не смотрела новости, чтобы не портить себе нервы. Теперь, узнав о масштабах случившегося, Зина забыла о тушении картошки и пошла плакать в комнате деда Андрея. Невыносимость жизни в шестой раз оглушила её. Прорывав несколько минут на табуретке у письменного стола, Зина подняла глаза и увидела на стене выцветавшее 13 сентября 1987-го года. День бабушкиной смерти.

– Значит, так уж заведено в нашем роду, – сказала она и целеустремлённо повесилась на карнизе, привязав к нему комбинацию дедовского ремня и полосатого шнура от старого утюга.

Бабушка Тоня вернулась в шестом часу. В квартире стоял дым и запах гари. На плите дотлевала картошка. Бабушка выключила плиту, распахнула окна и сняла ремень с шеи Зины. Насколько она могла судить, Зина умерла не столько в петле, сколько от удара головой о стальную фигуру металлурга в треть человеческого роста, которую деду Андрею подарила заводская партийная ячейка в честь выхода на пенсию. Очевидно, карниз в какой-то момент не выдержал.

Бабушка смыла кровь с виска и лица Зины, раздела её и положила на кровать. Затем позвонила Зининым родителям и пошла доставать из серванта прошлогоднюю тетрадь с наблюдениями.

* * *

– А на неё можно будет взглянуть? на эту тетрадь? – спросила Катя у Зининой мамы.

– Конечно. Антонина Устинна, к сожалению, умерла в этом, то есть в прошлом году. В её квартире Ваня сейчас живёт с девушкой своей. Тетрадка тоже там у них. На старом месте, в серванте. Я думаю. И Ванины фотографии – он тогда, на Уточкина, много фотографий сделал. Вы попросите его потом показать, если интересно...

– Очень. Безумно интересно, – закивала Катя. Профессиональная составляющая её личности очнулась ещё в начале рассказа.

– Ваня и в этот раз снимал уже. Он у нас главный энтузиаст... Говорит, надо подготовить материал как следует, задокументировать всё и на английский перевести. В Финляндию отвести хочет. Он думает, им там интересней будет, чем нашим...

– А что наши? – не поняла Катя. – Почему нашим не должно быть интересно?

– Ну... Помните, когда она второй раз в больнице была? Вот... И ведь мы ещё потом, в девяносто девятом, когда она у бабушки повесилась, приглашали этих двух врачей, которые её случаем вроде интересовались тогда... Один – представляете? – он сказал, что ему

не до того. Попросил не беспокоить больше... Другой, правда, подъехал. Вечером, на третий день. Чуть ли не до двенадцати сидел с Антониной Устинной и с Толиком. Потом ещё один раз приехал, когда она очнулась уже. Вопросы ей задавал. Я с ним тоже разговаривала. Он такой – немножко ненормальный, как врачи часто бывают. Жук Роман Романович. Вы извините, Катя, что я так про вашу профессию...

– Ничего, ничего, – улыбнулась Катя. – Такая уж профессия.

– Да... В общем, он, главным образом, лоб потирал и плечами пожимал. Ничего не говорил толком. «Я займусь этим, я займусь этим». Так ничем он и не занялся. Мы не в курсе, во всяком случае... Знаем только, что в Москву он переехал. В начале этого... в начале прошлого года. Звонил нам перед переездом. Сказал, что не забывает. Просил связаться с ним, если повторится ещё раз. Электронный адрес оставил...

– Вы уже написали ему?

Зинина мама наклонила голову и сжала губы. Она искала подходящие слова.

– Эээ... Мы подумали, бессмысленно это... Было бы кому действительно интересно, уже бы взялись за Зину давно. В институт бы забрали какой-нибудь, исследовали бы там. Что в таких случаях делают?.. Мы подумали: наши нашими, Россия Россией, всё понятно, но, наверное, не только в этом дело... Может быть, Зина выпадает из общей картинки слишком сильно. В голове не укладывается. Даже в наших-то головах – и то не укладывается. Мы с Толиком ловим себя постоянно на том, что забываем напрочь про всю эту... чертовщину. Понимаете, да? что я хочу сказать?

– Ага... – задумчиво кивнула Катя. – Понимаю... Но ведь это же нельзя так оставить... Это же... Это же фантастика, настоящая фантастика! Даже в кино такое не часто... Это же – если это исследовать – это может кончиться открытием покруче спирали ДНК. Если она действительно – если полностью умирает, а после этого... А вы свитер в ванной повесили, да?

– Нет. Он в прихожей, на рогах.

Катя поднялась из-за стола и побежала за свитером. Мама Зины поднялась вслед за ней.

– Можно, я к вам сегодня ещё приду? – спросила Катя, торопливо застёгивая пальто на пороге Зининой комнаты. – Сегодня попозже, с одним знакомым? Он тоже врач. В смысле, почти врач – он в ординатуре сейчас, занимается судебной медициной. Он это должен увидеть. Ему будет очень интересно. Очень. Мы с ним пока зелёные, нам общие картинки по барабану... И его научный руководитель... Я объясню потом. Можно мы придём, да? – Катя взглянула на часы. – Часов в... часов в шесть?

– Приходите, конечно, – мама Зины отступила в сторону, пропуская Катю к входной двери. Взрыв Катиной активности немного ошарашил её.

На лестничной площадке, нажав на кнопку лифта, Катя обернулась и несколько секунд морщила лоб.

– И вы не могли бы ещё попросить Ваню привезти эти записи? – наконец поймала она ускользавшую мысль. – И фотографии? Пожалуйста. Если он сегодня собирался приехать. Пусть он захватит всё.

– Хорошо, Катя, я позвоню ему, – сказала мама. – Я думаю, он сразу же прискачет. Я же говорю: он у нас главный энтузиаст.

– Ну, тем более... Тогда отлично! Спасибо! До встречи! Мы обязательно придём, скоро! Катя страстно помахала Зининой маме рукой и вскочила в подъехавший лифт.

Вот так всё и началось.

Часть вторая. Инкубационный период

Машенька

Никита любил поговорить о своей оперативности, но в поисках Машеньки оперативность не проявила себя: Зина рассказала об инциденте в Таманской Швейцарии ещё в декабре, Братья слетали в посёлок Ильич сразу после Нового Года, точный старый адрес в Чехове был известен к православному Рождеству, а то, что Машенькина мама развелась с Машенькиным папой, нашла другого папу и переехала в дом, находившийся в семистах метрах от прежнего, почему-то выяснилось только под конец апреля.

– Я тебе объясню, почему, – бесстрастно сказал Жук, выслушав Никиту. – Я тебе охотно объясню, почему. Я не видел здесь никого из твоей кодлы, включая тебя, с двадцать третьего февраля, когда ты приехал сюда в офицерской фуражке и в жопу пьяный. Чтобы поздравить меня с праздником. Я в своё время тоже носил кирзовые сапоги на сборах, и я высоко оценил твоё внимание. Но с двадцать третьего февраля и до настоящего момента я звонил тебе пятьдесят девять раз, всё отмечено в аутлуке, дозвонился из них двенадцать, не был сброшен восемь – и каждый из этих восьми раз выслушивал невыносимо гнилые отмазы, как вы их называете. При этом ты должен *лично* приезжать и *лично* общаться со мной раз в неделю. Три месяца я терпел и не звонил Егору Дмитричу. Три месяца. Так что без обид, договорились?

– Договорились, – буркнул Никита. – В общем, короче, как я сказал. Контакт наладили. Третьего её привезём. Вместе с мамой.

– То есть как это «с мамой»? – опешил Жук.

– А куда нам маму девать? – возмутился Никита. – Она над ней чахнет как курица над яйцом, бля. «Бедная моя Машенька, солнышко моё несчастное...»

– Курица с яйцом носится, – автоматически поправил его Жук. – Чахнет Кащей над златом. С мамой сделайте что-нибудь. Что-нибудь безболезненное, я имею в виду. Безобидное. Объясните, что закрытая кремлёвская клиника. Заинтересовалась уникальным случаем. Конфеты купите. Или торт бисквитный. Понимаешь? Или Егор Дмитрич должен объяснить?

3-го мая была пятница, законодательно вставленная в длинные выходные. Машеньку привезли к полудню. Нервную маму оставили в Чехове, с конфетами «Юбилей» и бисквитным тортом. Помимо кондитерских изделий и корня «кремль-», успокоить её помог Машенькин отчим. Он долго тряс руки Братьям и сказал, чтобы там, в закрытой кремлёвской клинике, не торопились. Чтобы изучили всё как следует. Пусть Машенька послужит медицине. Мы готовы пойти на жертвы. На лице отчима при этом отражалась сбывающаяся мечта. Ему неоднократно снились сны, в которых Машенька покидала его двухкомнатную квартиру и навеки

переезжала в интернат для умственно отсталых детей в отдалённом субъекте Российской Федерации.

Жук перенял Машеньку у Братьев на крыльце клиники и за руку провёл в свой кабинет. Выражение на лице девочки превзошло его ожидания. Вместо заледеневшего испуга-удивления он увидел полное отсутствие эмоций. Когда Машенька крутила глазами – чтобы смотреть в разные стороны – казалось, что она, по старой привычке, выполняет ритуал, давно утративший для неё смысл. В остальном её облик соответствовал полу и паспортному возрасту. Только ботинки, джинсы и кофточка смотрелись подозрительно гармонично для пятнадцати лет. Судя по всему, Машенька не принимала никакого участия в выборе своего гардероба.

В кабинете Жук усадил её на кушетку. Машенька принялась медленно тереть ладонью своё правое колено.

– Ты ушиблась? – спросил Жук.

Он согнулся над столом, поводил мышкой по прошлогоднему номеру Brain Research, запуская программу для аудиозаписи, и сел на табурет рядом с кушеткой. На его лице появилось участие.

– Нет, – ответила Машенька.

– А почему ты трёшь коленку?

– Не знаю.

– Замечательно, – сказал Жук, увлечённо сцепляя пальцы. – Расскажи мне о себе.

Машенька равнодушно повернула глаза в его сторону и принялась тереть другую коленку.

– Меня зовут Мария, – ответила она. – Моя фамилия Тимохина.

– Сколько тебе лет?

– Мне пятнадцать лет.

– Ты учишься в школе?

– Номер два.

– В каком классе?

– В восьмом бэ.

– Ты уже второй раз в восьмом классе?

– Да... Дима Липецкий сейчас в девятом а. Он красивый, мне нравился в прошлом году.

В восьмом а.

– Почему тебя оставили на второй год?

Машенька медленно покачала головой.

– Потому что ты плохо учишься?

– ... Не знаю.

– У тебя есть любимые предметы в школе?

– Не знаю... У меня есть кот Борис. Рыжий. Очень большой, – на пару мгновений она перестала тереть коленки и показала размеры кота. – Самый большой кот во дворе... У него большие усы.

На слове «усы» в её голосе проскользнула первая неясная эмоция.

– Хороший кот, – признал Жук. – А для чего люди ходят в школу?

– На уроки.

– А для чего уроки? Для чего люди получают образование?

– ... Это в университете, – Машенька заметно напряглась перед ответом.

– Что в университете?

– Там получают образование.

– Верно. А для чего его получают, ты не знаешь?

– Не знаю, – с готовностью отозвалась Машенька.

– Ага, – Жук хрустнул пальцами. – Маша, а вот скажи мне: как можно узнать, что человек врёт?

- Надо спросить, – ответила Машенька, не задумываясь.
- У кого спросить?
- ... Не знаю.
- Хорошо, – просиял Жук. – Тогда, Маша, такой вопрос, с твоего позволения. Чем отличаются юноши от девушек?
- Они разные.
- Точно. А в чём разница?
- Они не носят юбки.
- Мальчики?
- Юноши. Только Катыкин, на Новый год. На огонёк... У них есть член.
- Есть, – согласился Жук. – А ведут юноши и девушки себя одинаково?
- Когда, – спросила Машенька без вопросительной интонации.
- От потирания колен она перешла к потиранию кушетки.
- Когда? – Жука удивил сам факт вопроса с её стороны. – На уроках, например.
- Не знаю.
- На переменах?
- ... Не знаю.
- На дискотеке?
- Я не хожу.
- Ага, – Жук понимающе кивнул, встал с табуретки и нашёл среди бумаг на столе список вопросов. Вопросы занимали полторы страницы формата А4.
- Я хочу есть, – сказала Машенька.
- Скоро будет обед, – пообещал Жук.
- Он нажал кнопку на большом офисном телефоне, стоявшем на тумбочке. Послышалась далёкая радиомузыка, шаги и «да, Роман Романович».
- Вика, накрой, пожалуйста, в столовой. Через двадцать минут мы с девочкой придём обедать.
- Обедать? – гулко удивился голос Вики. – Есть? Перед анализами?
- Да. В данном случае не имеет значения. Накрой на троих. Эти ведь уехали уже?
- Да. Первое, второе и салат?
- И мороженое, – сказал Жук. Он оглянулся на Машеньку. – Маша, ты ведь любишь мороженое?
- С чем, – произнесла Машенька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.